

Дикая игра. Моя мать, ее любовник и я...

Автор:

[Эдриенн Бродер](#)

Дикая игра. Моя мать, ее любовник и я...

Эдриенн Бродер

Замок из стекла. Книги о сильных людях и удивительных судьбах

Жаркой июльской ночью мать разбудила Эдриенн шестью простыми словами:
«Бен Саутер только что поцеловал меня!»

Дочь мгновенно стала сообщницей своей матери: помогала ей обманывать мужа, лгала, чтобы у нее была возможность тайно встречаться с любовником. Этот роман имел катастрофические последствия для всех вовлеченных в него людей...

«Дикая игра» – это блестящие мемуары о том, как близкие люди могут разбить наше сердце просто потому, что имеют к нему доступ, о лжи, в которую мы погружаемся с головой, чтобы оправдать своих любимых и себя. Это история медленной и мучительной потери матери, напоминание о том, что у каждого ребенка должно быть детство, мы не обязаны повторять ошибки наших родителей и имеем все для того, чтобы построить счастливую жизнь по собственному сценарию.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Эдриенн Бродер

Дикая игра. Моя мать, ее любовник и я...

ADRIENNE BRODEUR

WILD GAME. My Mother, Her Lover, and Me

Copyright © 2019 by Adrienne Brodeur

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается Тиму, Мадлен и Лайему и памяти Алана

Примечание автора

Жизнь – не то, что ты пережил, а то, что запомнил и как вспоминаешь, чтобы рассказать.

Габриэль гарсиа маркес

Работая над этой книгой, я старалась как можно ближе держаться фактов, обращаясь к дневникам, письмам, альбомам, фотографиям, школьным табелям, кулинарным рецептам, статьям и другим документам моей личной и семейной истории. Но в тех случаях, когда было невозможно подкрепить фактами какую-то физическую или эмоциональную подробность, я обращалась к воспоминаниям. Я осознавала, что они выборочны и что каждый раз, вспоминая какое-то событие, мы чуточку его меняем, уплотняя свое представление и наслаивая на него новое понимание, стремясь сделать его осмысленным в

настоящем.

Эта книга не претендует на изложение всей истории: годы здесь сжаты в предложения, некоторые друзья и возлюбленные исключены, детали отшлифованы. Время рассеяло частности. То, что следует далее на этих страницах, – интерпретации и трактовки воссозданных в памяти моментов, которые сформировали мою жизнь, и все они зависимы от точки зрения, личного мнения и душевного порыва. Я прекрасно сознаю, что другие могут вспоминать эти события иначе и иметь собственные версии происходившего. Я старалась быть осторожной, рассказывая историю, затрагивающую других людей, которые, возможно, запомнили или переживали ее иначе.

Имена всех действующих лиц этой книги, за исключением моих родителей, Малабар и Пола, и моего собственного, изменены.

В чем польза печалей

Мэри Оливер

(Это стихотворение явилось мне во сне)

Однажды тот, кого любила,

Вручил мне полный тьмы ларец.

И годы миновали, прежде чем поняла,

Что это тоже – дар.

Пролог

Похороненная истина – вот что такое ложь на самом деле.

Кейп-Код[1 - Кейп-Код (англ. Cape Cod – «мыс трески») – полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс. Отделяет залив Кейп-Код от Атлантического океана (здесь и далее прим. ред.)] – место, где похороненные вещи вдруг являют себя и вновь пропадают: деревянные ловушки для лобстеров, позвонки горбатых китов, осколки матового морского стекла. Сегодня вроде бы и нет ничего; а завтра циклические силы природы – эрозия, ветер и прилив – обнажат что-нибудь, что было всегда здесь. Но послезавтра оно исчезнет вновь.

Несколько лет назад мой брат обнаружил нос разбитого затонувшего судна, показавшийся из песчаной отмели. Ему удалось откопать внушительную часть корпуса, прежде чем нахлынул прилив и уничтожил результаты его трудов. На следующий день он вернулся на то же место в то же время, но от корабля не осталось и следа. Если бы брат не вытащил на берег пропитанный водой и солью кусок древесины, узловатый, красиво искривленный, и не оставил его сохнуть на лужайке, можно было бы подумать, что все это ему приснилось.

Раз моргнешь – и упустишь свое сокровище.

Два моргнешь – и осознаешь, что правда, которую ты считал надежно припрятанной, материализовалась, что некая неприглядная ее часть обнажилась, показалась во всем своем уродстве. Все мы знаем старую поговорку о том, что одна ложь тянет за собой другую. Обман требует решимости, бдительности и очень цепкой памяти. Чтобы правда продолжала лежать в могиле, за могилой нужно ухаживать.

Многие годы моей задачей было таскать песок и ссыпать его сверху – горстями, лопатами или ведрами, в зависимости от потребности момента, – в старании сохранить похороненной тайну моей матери.

Часть I

Не ведаем, какую сеть себе плетем.

Сэр Вальтер Скотт

Глава 1

Бен Саутер протиснулся в переднюю дверь нашего летнего дома на мысу Кейп-Код жарким июльским вечером 1980 года. Он, как обычно, приветствовал все семейство своим энергичным «Как жизнь?». Бен носил седую шевелюру, а его обветренные руки прямо-таки кричали о его любви к работе на свежем воздухе. Я видела из коридора, как он одной рукой похлопал по спине моего отчима, Чарльза Гринвуда, а другой поднял повыше коричневый бумажный пакет, уголки которого уже пошли влажными темными пятнами.

– Ну-ка, поглядим, что ты способна сотворить из этого, Малабар, – сказал Бен моей матери, которая вышла в прихожую и встала рядом с мужем. Он вручил ей пакет и клюнул в щеку коротким поцелуем.

Мать унесла пакет в кухню, поставила на столешницу, развернула и заглянула внутрь.

– Сквобы[2 - Сквоб – молодой голубь, не старше четырех недель. Сквобы забиваются на мясо прежде, чем начинают летать, поэтому их мясо очень нежное.], – с гордостью сказал Бен, потирая руки. – Дюжина. Ощипаны и выпотрошены. Я даже головы отрубил – все для тебя.

Ага! Так эти влажные пятна – кровь.

Я глянула на мать, ее лицо не выдало и тени отвращения – только восторг. Она, несомненно, уже высчитывала в уме температуру и время, необходимые для образования хрустящей корочки, но так, чтобы не пересушить мясо и наилучшим образом подчеркнуть его вкус. В кухне моя мать пробуждалась к жизни – это была ее сцена, где она исполняла главную роль.

– Что ж, Бен, уважил ты хозяйку, – промолвила мать, смеясь и одарив его долгим взглядом.

Малабар была жестким критиком. Ее одобрение нужно было заслужить, и этот процесс мог затянуться на годы, так и не принеся результата. Бен Саутер, я это

видела, только что заработал себе очередной балл.

Сразу за Беном вошла его жена, Лили, принеся с собой букет цветов из собственного сада в Плимуте и мешочек только что собранного с берегов их собственного ручейка водяного кресса – крохотного, как раз такого, какой любила Малабар. Лили, лет на десять старше моей матери, была миниатюрной и непритязательно красивой, с седеющими каштановыми волосами и морщинистым личиком, которое без стеснения говорило о ее новоанглийской практичности и полном отсутствии тщеславия.

Чарльз стоял в стороне и улыбался от уха до уха. Он обожал компанию, вкусную еду и истории из прошлого, а нынешний уик-энд в обществе старого друга Бена и его супруги обещал все это в достатке. Я была знакома с Саутерами со своих восьми лет; как раз тогда моя мать вышла за Чарльза. И знала их так, как любой ребенок знает друзей своих родителей, – без особой близости и с известной долей безразличия.

Мне было четырнадцать.

Коктейльный час, священный ритуал в нашем доме, начался незамедлительно. Моя мать и Чарльз открыли его привычным бурбоном со льдом, продолжили второй порцией, а потом перешли к любимому аперитиву, который называли «пауэр-пэком», – сухому «Манхэттену». Саутеры последовали примеру моих родителей, не отставая в темпе употребления выпивки. Все четверо вышли, оживленно переговариваясь, из гостиной на веранду, а потом через лужайку к деревянной лестнице, что вела к пляжу. Там они наслаждались прибрежными радостями: соленый воздух, небо, сиявшее розовыми переливами заката, крики чаек, катера у причала и волны вдали.

Мой старший брат Питер вернулся домой после долгого рабочего дня: он был помощником на туристическом рыболовном катере в Веллфлите. Шестнадцатилетний, светловолосый, загорелый, с губами, потрескавшимися от соли и солнца. Они с Беном стали обсуждать полосатого лаврака – чем он питается (песчаными угрями), где хорошо клюет (за буйками, но все еще близко к берегу). Обоим было ясно, что этот тип спортивной рыбалки, с его низкопробной прикормкой и высококачественными удочками, – гиблое дело. Бен был заядлый рыбак. Он сам вязал блесны и каждый год ездил в Исландию и

Россию ловить рыбу в самых чистых реках мира. За свою жизнь Бен уже поймал и выпустил более семисот лососей и ставил себе цель дойти до тысячи. И все же день на воде есть день на воде, даже если его пришлось провести с сосущими пиво туристами.

– Что на ужин, мам? – спросил Питер. Мой брат был бесконечно прожорлив и очень нетерпелив.

Этих слов было достаточно, чтобы все дружно вернулись в дом. Мы знали, что будет дальше.

Мать включила свет в кухне, вымыла руки и занялась делом: развернула обезглавленные птичьи тушки, выложила их на столешницу и промокнула чистым кухонным полотенцем. Мы все расположились на прочных стульях с высокими спинками, опираясь локтями на столешницу из зеленого мрамора, откуда можно было с удовольствием наблюдать Малабар в действии. На гигантском разделочном столе-острове прямо перед нами, точно дизайнерский букет, благоухали в вазе пряные травы – базилик, кинза, тимьян, душица, мята. Прямоугольный кусок сливочного масла, подтаяв, образовал глянцевый холмик. Крупная головка чеснока дожидалась материнского ножа. За нашими спинами протянулась гостиная, сплошь оформленная раздвижными стеклянными дверьми, за которыми открывался панорамный вид на Наузет-Харбор. За гаванью раскинулся широкий пляж: полоса песка цвета хаки, кое-где отмеченная пунктиром дюн, которые служили буфером между нашим берегом и Атлантическим океаном. Время от времени мать поднимала глаза от своей работы – измельчения, помешивания или натирания, – оглядывала нас всех и удовлетворенно улыбалась.

Моя мать приезжала в этот городок на Кейп-Код с тех пор, как была маленькой девочкой. Орлеан расположен у локтя этой гигантской «руки» (если смотреть с неба), которая на 100 километров вдается в Атлантический океан, а потом изгибается обратно к материку, постоянно сужаясь вплоть до скругленной «кисти» Провинстауна. В детстве Малабар жила в Покете. Когда она вышла замуж за моего отца, ей принадлежал крохотный домик в Наузет-Хайтс; а пару лет назад с помощью Чарльза, разумеется, она прикупила пару акров береговой линии. Покупая этот дом, она сразу заказала капитальный ремонт, и не случайно кухня в нем оказалась комнатой с лучшими видами.

Если думая о женщине на кухне у вас в голове возникает образ милой домохозяйки в фартучке с оборками или уставшей матери семейства, старательно исполняющей свой долг кормить малых детей, то вы представляете не ту женщину не в той кухне. Здесь, в доме на берегу залива, кухня была центральным командным пунктом, а Малабар – ее главнокомандующим. Задолго до того, как открытые кухни вошли в моду, она считала, что поваров следует прославлять, а не запирать в жарких преисподних, где они вкалывали в одиночку за закрытыми дверями. Именно в этой кухне меренги плавали по морям заварного крема, идеальные куски фуа-гра сбрызгивались инжирным сиропом, а салаты из водяного кресса и эндивия мастерски заправлялись оливковым маслом и морской солью.

Моя мать редко следовала рецептам. Она не видела в них особого проку. Обладая врожденным пониманием химии кухни, она нуждалась только в собственных вкусовых ощущениях, инстинктах и кончиках пальцев. В одной капле густого соуса, попавшей на язык, она умела распознать легчайший намек на кардамон, одинокий ломтик лимонной кожуры, неуловимый признак секретного ингредиента. Она обладала врожденным чувством композиции и структуры и знала, как их может изменить температура. Она прекрасно осознавала силу своего дара, особенно в том, что касалось влияния на мужчин. Вооруженная острыми ножами, душистыми специями и огнем, моя мать умела создавать пиршества, одни ароматы которых могли бы заманить корабли с одурманенной командой на рифы, а она торжествующе наблюдала бы, как они погружаются в бездну. Я знала о сиренах, поскольку читала греческую мифологию, и восхищалась талантами матери.

Теплый свет свечей озарил комнату, и веселое поскрипывание пробок возвестило, что ужин готов. Мы шестером собрались вокруг стола и набросились на первое блюдо: сваренных на пару моллюсков с мягкими раковинами, которых мы с матерью собрали на ближней отмели во время утреннего отлива. Мы вскрывали раковины, скатывали кожицу с их продолговатых шеек, окунали тельца в горячий бульон с растопленным сливочным маслом и закидывали в рот. Океанский взрыв на языке.

Затем настала очередь основного блюда – главного кулинарного шедевра: Беновы сквобы были сервированы по-домашнему на огромной разделочной доске с канавками, которые улавливали текшие изобильные соки. Пользуясь длинными щипцами, Малабар выложила на каждую тарелку по крохотному

голубиному тельцу. Запеченное до состояния слабой прожарки мясо оказалось шелковистым и нежным, мелкозернистым и более жирным, чем я ожидала. Кожица была масляной, как у утки, и хрустящей, как бекон. На гарнир мать сотворила пикантный кукурузный пудинг – мешанину зерен, яиц и сливок – и смачно плюхнула по большой ложке на каждую тарелку. Вкусы дополняли друг друга: сладкий и солоноватый, с определенной сочностью и легким намеком на кислинку.

Сняв пробу, мать замычала от наслаждения. Она никогда не стеснялась наслаждаться плодами своих трудов.

– Это, – проговорил Бен, прикрыв глаза, – само совершенство! – Он, сидевший рядом с Малабар, вольготно положил руку на спинку ее стула и поднял бокал. – За шеф-повара!

– За Малабар, – вторила ему Лили.

Все мы чокнулись бокалами. Отчим заулыбался и добавил:

– За мою милую.

Чарльз обожал мою мать, свою вторую жену, которая была на пятнадцать лет моложе его. Они оба состояли в браке, когда познакомились через общих друзей и влюбились друг в друга. Чарльз был благодарен моей матери за поддержку на протяжении его долгого развода и серии разрушительных инсультов, перенесенных им прямо перед их свадьбой, которые оставили ему на память частичный паралич правой стороны тела. Теперь он ходил, приволакивая ногу, и научился писать и есть левой рукой.

Чарльз и Бен дружили с детства, их свела вместе общая любовь к городку Плимуту, где Бен, прямой потомок паломников с «Мейфлауэра» [3 - «Мейфлауэр» – торговое судно, на котором англичане, основавшие одно из первых британских поселений в Северной Америке, в 1620 году пересекли Атлантический океан.], жил постоянно, а Чарльз год за годом проводил лето. Они были совершенно не похожи – Чарльз, вечно витавший в собственных мыслях, и Бен, такой земной и плотский; но эта дружба процветала десятилетиями. Разница в возрасте между ними составляла всего шесть месяцев, но страстный и притягательный Бен казался годами моложе моего

отчима. Охотник, рыбак, защитник природы – и плюс к тому успешный бизнесмен, – Бен обладал энциклопедическими знаниями о природном мире и с энтузиазмом делился ими. За ужином я засыпала его вопросами: Как проходит брачный сезон у мечехвостов? Что вызывает ежегодную весеннюю миграцию сельди? Как мечут икру квахоги? Я пыталась загнать Бена в тупик, но не преуспела. Он знал все об окружающей среде и ее обитателях.

Пока мы вшестером наслаждались ужином, Бен просвещал нас насчет голубей, которых разводил уже более тридцати лет.

– А известно ли тебе, что птенцов у них высиживают и выкармливают оба родителя? – спросил он, нацеливаясь крохотной косточкой в мою сторону.

– Так они, типа, как городские голуби? – спросила я, любопытствуя, те ли это чумазные создания, знакомые мне по Нью-Йорку, где я родилась и где по-прежнему жил мой отец.

– И да, и нет. Горлицы и голуби из одного семейства, Columbidae, – отвечал Бен, коснувшись моего предплечья. – Птицы, которых мы разводим, – белые горлицы.

– О, это такая великолепная стая, Ренни! – подхватила Лили. – Ты должна как-нибудь приехать к нам и увидеть их собственными глазами.

– С удовольствием, – отозвалась я и вопросительно глянула на мать, которая согласно кивнула.

– А как именно вы их забиваете? – поинтересовался Питер.

Бен в ответ показательно свернул крохотную невидимую шейку.

Вечер шел своим чередом, полный маленьких сюрпризов. Бен был энергичным человеком, он бурно жестикулировал, активно участвовал в разговоре, при этом внимательно слушая собеседников. Я заметила, что во время ужина его взгляд нет-нет да и возвращался к моей матери. Казалось, ей нравились эти быстрые взгляды, она встряхивала головой, как кобылка, и с готовностью смеялась. В какой-то момент я увидела, как она провела вилок поперек холмика

кукурузного пудинга. Мы обе подняли глаза, чтобы проверить, смотрит ли на это Бен. Он смотрел. Мать мельком улыбнулась мне и налила в мой бокал красного вина. Потом наполнила бокал Питера.

- Пино идеально идет к скволам, - пояснила она нам, как будто запивать еду вином было обычным делом для детей.

В ответ на мой удивленный взгляд мать весело пожала плечами.

- Если бы мы жили во Франции, ты получала бы к ужину вино с восьми лет!

Бен одобрительно хмыкнул, и мать отозвалась гортанным смешком.

Чарльз и Лили, ничуть не встревоженные тем, что я буду пить вино, не смущенные явным флиртом между своими супругами, тоже расхохотались.

В тот вечер все было так, просто и весело!

Часов в девять я заерзала на месте. Даже с включенными вентиляторами в гостиной было некомфортно жарко, и задняя поверхность моих бедер прилипала к стулу. Я то и дело украдкой бросала взгляд на большие напольные часы. Куда он запропастился? Когда наконец раздался стук в дверь, я метнула в брата умоляющий взгляд. Он не шелохнулся.

Пожалуйста, - молила я Питера, сделав бровки домиком. - Давай же. Просто сделай это.

Питер закатил глаза и нехотя пожал плечами, но потом сдался и пошел к двери.

- Можно выйти? - спросила я мать. - Мне нужно глотнуть свежего воздуха.

Она кивнула, едва обратив внимание на мою просьбу.

Поднявшись, чтобы убрать за собой тарелку, я почувствовала, что захмелела от вина. Сбегала наверх, почистила зубы, причесалась и поспешила к двери,

притормозив лишь у самого порога, чтобы казаться сдержанной и невозмутимой.

Мой брат и наш сосед Тед стояли на передней веранде и болтали. Порядок ходов был известен нам всем: Питер вскоре попрощался и вернулся в гостиную, а мы с Тедом обогнули дом и спустились по лестнице на пляж. Разговаривать нам было в общем-то не о чем, потому и не разговаривали. Мы дошли до своего обычного места, легли на зернистый песок и начали целоваться, как делали каждый вечер уже почти неделю.

Мимо нас поверху прошла парочка, держась за руки, не догадываясь о нашем присутствии на песке, и остановилась у скалы возле кромки воды, чтобы полюбоваться отражением луны в узком заливе. Обычно мы отстранялись друг от друга, когда кто-то появлялся рядом. Но на этот раз Тед приложил палец к губам, веля мне хранить молчание, а потом рывком задрал мою майку выше груди. Я так и осталась лежать спиной на песке, ошеломленная этим неожиданным маневром. Ухмыляющееся лицо Теда, освещенное ярким лунным светом, горело подростковой похотью. Глазами он пожирал мою грудь, мышцы на его плечах бугрились. А потом он взялся за дело – сжимал сначала одну грудь, потом другую, заставляя искры вспыхивать под ребрами и опускаться жаром внизу живота.

К тому времени как я вернулась домой, вечеринка подходила к концу. Лили собирала со стола десертные тарелки, у отчима был изнуренный вид. Даже Бен и моя мать как-то потухли. Я вошла незамеченной и проскользнула наверх.

Забралась в постель и начала прокручивать в голове встречу с Тедом. Не могла перестать думать о том, что он сделал. Правила подросткового сексуального взаимодействия просты и недвусмысленны: обратного пути нет. Я знала, что сегодня была определена новая стартовая черта и, когда мы в следующий раз вместе ускользнем из дома, моя голая грудь будет восприниматься им как данность.

Занавески в спальне были отдернуты, окна распахнуты так широко, как только возможно, и все равно в комнате стояла духота. Мои волосы, влажные от сырого соленого воздуха, липли к шее; бязевые простыни, шершавые от песка, путались в ногах. Казалось, на свете не осталось ничего прохладного, кроме луны. Она была похожа на холодный металлический кружок, который так и хотелось

прижать к лицу. Снаружи не было ни малейшего дуновения, способного покачивать рыбацкие катера или хотя бы потревожить китайский фонарик, вывешенный на веранде моей матерью. В доме тоже все смолкло. Верно, родители и их гости наконец улеглись спать.

Столь многое изменилось в моем теле за последний год! Когда-то мне приходилось гоняться за мальчишками, чтобы добиться их внимания. Теперь же достаточно было взяться руками за перила веранды и прогнуться в пояснице, зарыться пальцами ног в песочек или поднять глаза, прищурившись, точно на солнце, – и они начинали сходиться с ума. После долгого периода застоя мое тело словно взорвалось – набухали груди, раздавались бедра, кожа туго натягивалась над новыми горизонтами плоти. Мои внутренности тоже словно сошли с ума.

Каждый месяц у меня, как положено, были спазмы и кровь, но никто не рассказывал мне обо всем остальном: о том, как влажно и скользко там внутри, сколько всего случается даже в отсутствие месячных, меняясь и смягчаясь, оставляя для меня слизкие подсказки. Уплывая в дремоту, я снова и снова сонно перебирала события вечера – майка вверх, его руки на грудях, – пока внутри меня не родилось совершенно новое движение. Непривычная волна поднялась в самом центре глубоко внутри и мощно раскатилась по всему телу, попутно облизав каждый нерв и клетку.

Что это только что было?

Сон схлынул с меня, как и не бывало, я попыталась припомнить сделанные шаги, желая выучить путь к этому захватывающему ощущению, но оно от меня ускользало. Так я и лежала, то забываясь чутким сном, то снова пробуждаясь.

– Проснись, Ренни.

Я ощутила руку на плече и натянула простынь на голову.

– Ренни, пожалуйста.

Еще не успев повернуться и увидеть ее лицо, я услышала характерную дрожь в шепоте матери и почувствовала винные отзвуки пино нуар в ее дыхании. Ее голос

звучал как-то нерешительно и отчаянно. Матрас просел, когда она опустилась рядом со мной, и мое тело застыло, напрягшись, чтобы не провалиться в ямку. Я упрямо не открывала глаз и выровняла дыхание.

– Ренни! – В шепоте, теперь более настойчивом, по-прежнему слышалась непривычная дрожь. Она потянула вниз укрывавшую меня простынь. – Пожалуйста, проснись.

Даже рядом с ней, нависшей надо мной, обдававшей теплым дыханием мое ухо, я не хотела расстаться с мыслями о Теде. Почему мать оказалась в моей комнате посреди ночи? На какой-то миг я запаниковала: неужели она шестым чувством уловила, что я только что совершила свою первую вылазку в мир секса? Или это Питер выдал меня и рассказал ей, что я сбегая из дома, напрашиваясь на неприятности? Я отвернулась от нее, полусонная, не в настроении слушать лекции, все еще плывущая на волне только что изведенного нового ощущения. Не хотела упускать его.

– Ренни, проснись. Пожалуйста, проснись.

Просто уйди, – думала я.

– Солнышко! Пожалуйста! Ты мне нужна.

После этого я открыла глаза. Малабар была в ночной сорочке, волосы дыбом. Я села.

– Мам? Что случилось? Все нормально?

– Бен Саутер только что поцеловал меня.

Я молча проглотила эту информацию. Попыталась осмыслить ее. Не смогла. Потерла глаза. Мать по-прежнему полулежала рядом со мной.

– Бен поцеловал меня, – повторила она.

Подлежащее, сказуемое, дополнение – такое простое предложение! А его смысл все никак мне не давался. Зачем Беню Саутеру понадобилось целовать мою

мать? Я не была наивным цветочком, знала, что люди, бывает, целуют тех, кого им не положено целовать. Мои родители не возводили вокруг меня щиты, скрывая истории своих взаимных шалостей в то время, пока были женаты, я знала о неверности больше, чем большинство детей. Мне было четыре года, когда родители расстались; шесть – когда отец снова женился; семь – когда и его новый брак начал трещать по швам; и восемь – когда моя мать наконец смогла выйти за Чарльза, который жил отдельно от своей первой жены, но был еще женат, когда они с матерью познакомились.

Бен, конечно, тоже был женат – на Лили. Саутеры прожили в браке тридцать пять лет.

Мама и Чарльз. Бен и Лили.

Они вчетвером дружили семьями столько, сколько мои мать с отчимом знали друг друга, то есть уже около десяти лет.

Вот что на самом деле потрясло меня в этом поцелуе – дружба между Беном и Чарльзом. Они обожали друг друга. Их дружба длилась около пятидесяти лет, уходя корнями в те времена, когда они юнцами пускали «блинчики» по плоским, серым водам Плимутского залива, играли в отцов-пилигримов и строили крепости из песка, отражая атаки воображаемых врагов мушкетами из палок. За минувшие годы они вместе охотились и рыбачили, встречались с сестрами друг друга, были шаферами на свадьбах и стали крестными отцами для сыновей друг друга.

– Что ты имеешь в виду – Бен поцеловал тебя? – Сон улетучился в один миг. Я вообразила, как она в ответ дает ему пощечину. С моей матери случилось бы. – Что случилось?

– Мы вдвоем пошли прогуляться после ужина, он привлек меня к себе, вот так. – Мать обвила себя руками, одновременно и демонстрируя его ласки, и обнимая память о них. А потом рухнула на кровать, улыбаясь, и вытянулась рядом со мной.

Очевидно, пощечины не случилось.

– Я до сих пор не могу в это поверить. Бен Саутер поцеловал меня! – еще раз повторила она.

Что это было в ее голосе нынче вечером?

– Он поцеловал меня, Ренни.

Вот оно опять... это радость. Этих нот в ее голосе я не слышала с тех пор, как с Чарльзом случились те инсульты. Радость упала с ночного неба и приземлилась прямо на мою мать. Один поцелуй – блеск и сверкание его, то, что он мог предвещать, – изменил все.

– Он хочет, чтобы мы с ним встретились в Нью-Йорке на следующей неделе. У него заседание совета директоров – что-то там по поводу лосося... а Лили планирует остаться в Плимуте. Я не знаю, что делать.

Мы лежали рядом, наши тела излучали жар.

– Что думаешь, как мне следует поступить?

Мы обе знали, что это вопрос риторический. Малабар всегда и все планировала. Она уже приняла решение.

– Мне понадобится твоя помощь, солнышко, – проговорила она. – Мне нужно разобраться, как это сделать. Как сделать это возможным.

Я лежала неподвижно, как труп, не зная, что сказать.

– Разумеется, я не хочу обидеть Чарльза. Я бы скорее умерла, чем снова причинила ему боль. Это мой высший приоритет, Чарльз ни в коем случае не должен узнать. Это его убьет. – Она примолкла, словно решила в последний раз подумать о Чарльзе, а потом перевернулась на бок, лицом ко мне. – Ты должна помочь мне, Ренни.

Я нужна своей матери. Я знала, что должна заполнить паузу в разговоре, но слова не шли с языка. Непонятно было, что сказать.

– Разве ты не рада за меня, Ренни? – спросила мать, приподнимаясь и опираясь на локоть.

Я посмотрела ей в лицо, в глаза, потемневшие и повлажневшие от надежды... и как-то вдруг, сразу, обрадовалась за нее. И за себя. Малабар влюбилась и выбрала меня в свои наперсницы – роль, которой я жаждала, но сама не понимала этого прежде. Может быть, из этого выйдет что-то хорошее. Может быть, такой полный жизни человек, как Бен, сумеет вызволить мою мать из той хандры, в которой она пребывала после инсультов Чарльза и которая временами проявлялась и раньше. Может быть, осенью, когда начнутся уроки, моя мать станет наряжаться, прежде чем развозить меня и моих одноклассниц из школы по домам. Больше никакого пальто поверх ночной рубашки или отметин от подушки на одутловатом со сна лице. Может быть, она станет снова укладывать волосы, наносить на губы капельку блеска и приветствовать детей, которым по пути с нами, радостным «привет!», как и другие матери.

– Конечно рада! – ответила я. – Я так рада за тебя!

Ее реакция – благодарные слезы – придала мне храбрости.

– После всего, что тебе пришлось пережить, ты это заслужила, – заверила я ее.

– Солнышко, только никому не говори! Ни единой живой душе. Ни брату, ни своему отцу, ни подругам. Это серьезно. Пообещай мне, Ренни. Ты должна унести эту тайну с собой в могилу.

Я тут же пообещала, трепеща от возможности сыграть звездную роль в драме своей матери, напрочь позабыв о том факте, что меня использовали уже второй раз за эту ночь.

Люди, занимавшие спальни вокруг нас, – мой брат, мой отчим, Бен со своей женой Лили, – мирно спали. Они понятия не имели, что земля под их ногами уже дрогнула. Моя мать разглядела и выбрала счастье, а я с готовностью подписалась под ее решением, и мы обе проигнорировали его опасности.

Когда рассвет полился в мои распахнутые окна и солнце вскарабкалось в небо над внешним пляжем, той длинной полосой песка и дюн, которая отделяла наш узкий залив от Атлантики, небо окрасилось в цвет яркой фуксии, подернутый алым. Я проснулась, полная надежды, больше не думая о Теде. Я уже знала, что, когда он объявится на нашей веранде этим вечером, не побегу с ним на пляж, чтобы почувствовать своим телом решительное давление его похоти. Вместо этого я останусь дома и стану свидетелем соблазнения моей матери.

Глава 2

Если верить, что бабочка, трепещущая крылышками в Южной Америке, может поднять бурю в Техасе, то какие неуправляемые последствия мог вызвать безрассудный поцелуй на проселочной дороге? Он знаменовал начало всей моей дальнейшей жизни. Стоило мне решить последовать за матерью – и обратного пути уже не было. Я стала ее защитницей и стражем, неизменно высматривая все то, что могло бы ее выдать.

Я проснулась, кипя от восторга, воодушевленная радостью в материнском голосе, все еще хмельная от интимности нашего разговора. Малабар выбрала меня, и мое тело вибрировало от несказанного ощущения удачи.

Мой брат был уже на кухне, сидел, ссутулившись, над тарелкой хлопьев, когда я спорхнула вниз. Стоявшие вдоль разделочного стола полупустые бокалы источали кислую вонь вчерашнего вина. Питеру в июне исполнилось шестнадцать, у него были отдельная квартира над гаражом (повод для зависти), собственный катерок (еще один), и он уже примерно понимал, каким человеком планирует стать.

– Ты ведь в курсе, что Тед – конченный подонок, верно, Рен? – проговорил Питер и сунул в рот ложку хлопьев. Тыльной стороной ладони отер каплю молока с уголка губ.

Я вспыхнула, вспомнив, как Тед задрал на мне майку. Да, я понимала, что Тед – подонок. Он был из тех ребят, что, будучи лет на пять помладше, летними вечерами ловили лягушек, совали им в рот хлопушки, а потом хохотали до слез, когда у тех отлетали лапки.

– Нет, он хороший парень, – возразила я брату словами гладкими, как стеклянные шарики. Хоть Тед меня больше и не интересовал, признать, что он придурок, было просто невозможно. В нашей семье всегда важнее было быть правым, чем правдивым. Неуверенность у нас была не в почете, так что расслабляться не приходилось.

Питер в ответ на это невероятное заявление хмыкнул и пристроил свою тарелку поближе к раковине.

С момента развода наших родителей, случившегося десять лет назад, нас всегда было трое: мама, Питер, я. Отец, конечно же, присутствовал на периферии, занимая неизменный угол «каждый второй уик-энд и праздники через один». И отчим, Чарльз, тоже присутствовал – со своими четырьмя взрослыми детьми от предыдущего брака, теперь нашими сводными братьями и сестрами. Но нашей основной семейной ячейкой со времен развода всегда был треугольник, эта устойчивая форма. Вот только нынче утром геометрия начала меняться. Еще до конца этого дня стороне Питера предстояло стать отрезанным ломтем, а нам с матерью, отделившись от него, сменить треугольную форму на одну-единственную прямую линию, потайной ход для ее тайны.

* * *

– Доброе утро, – пропела Малабар, ни к кому конкретно не обращаясь. Она влетела в кухню в хлопковом халатике, свободно завязанном поверх ночной рубашки; ее волосы были всклокочены. Этим утром стало чуть прохладнее, но все равно было душно и влажно, и небо – фиолетово-серый водоворот – сулило облегчение в виде дождя. В окне на дальней стороне кухни мать уловила свое отражение и поджала губы. В холодном дневном свете она видела и пигментные пятнышки, усеявшие ее руки, и дряблую кожу у основания шеи: персик, пару дней как миновавший пору совершенства.

И все равно она была прекрасна, стройная и сильная, с блестящими рыжеватокаштановыми волосами, обрамлявшими манящее лицо с ямочкой высоко на левой щеке – отметиной, оставленной акушерскими щипцами и служившей напоминанием о ее трудном приходе в этот мир. Хоть Малабар и культивировала ауру элегантного высокомерия, была она на диво задорной, всегда готовой наживлять крючки и часто первой бросалась в омут с головой. Теперь я

понимаю, что она потеряла некую важнейшую часть себя, когда отказалась от карьеры журналистки в Нью-Йорке и выбрала более спокойную и финансово стабильную жизнь, выйдя замуж за Чарльза с его семейным состоянием. По словам моего отца, бабушка часто говорила Малабар: «За одного мужчину выходишь замуж, чтобы родить детей, а за другого – чтобы он заботился о тебе в старости». Но если и таким было намерение моей матери, когда она выходила замуж за Чарльза, то обернулось все не так, как планировалось. Чарльз сделал мою мать богатой, но вместе с тем возложил на нее львиную долю обязанностей сиделки. Малабар той осенью должно было исполниться сорок девять, и, несомненно, неожиданные перемены в жизни вызывали у нее отчаяние.

Она дерзко задрала подбородок в ответ своему отражению, развернулась и уперлась в меня взглядом, который доказывал, что наша встреча прошлой ночью мне не привиделась во сне.

– Юная леди, – сказала она, выгнув дугой бровь, – нам с вами нужно будет кое-что обсудить.

Питер покачал головой, гадая, что я натворила на сей раз. Я подумала, что он решил, будто меня поймали за поцелуями с Тедом. Но он мимически изобразил быструю затяжку косячком. Я угадал? Его глаза блеснули.

Потом мать принялась заваривать себе чай. Это был затейливый ритуал с целью развеять туман прошлого вечера, вызванный коктейлями, вином, парой таблеток снотворного, – и поторопить новый день. Она опорожнила чайник, наполнила его свежей водой и поставила на плиту. Пока он грелся, поддела ногтями крышку с жестяной банки, где хранила Лапсанг Сушонг[4 - Лапсанг Сушонг – сорт красного чая из Южного Китая.], и – пухф – воздух наполнился его характерным копченым ароматом. Большим и указательным пальцами мать брала идеальную порцию сушеных листьев и щепоть за щепотью сыпала их в заварочный чайничек. Когда наконец чайник на плите начал плеваться и свистеть, кипяток встретился с листьями и напиток был оставлен настаиваться под диковинным колпаком в форме петуха.

Вскоре, шаркая, пришел Чарльз – только что из душа, аристократическая квадратная челюсть, толстые очки в роговой оправе и зализанные назад со лба седые волосы. Он выглядел так, как выглядел всегда с тех пор, как шесть лет назад перенес ряд инсультов: смирившимся с тем фактом, что больше не командует парадом. Пользовавшийся всеобщим уважением как мечтатель,

стоявший за созданием Плимутской плантации[5 - Плимутская плантация – реконструированное поселение Плимутской колонии. Представляет собой музей под открытым небом в г. Плимуте, штат Массачусетс, где собраны копии жилых домов, форта и хозяйственных построек 1623–1627 гг., а также копия корабля «Мейфлауэр»], музея живой истории, который он основал много лет назад и которому хранил страстную преданность, Чарльз был очарован разнообразными археологическими диковинками. Его самым недавним стремлением, граничившим с одержимостью, стало найти обломки давно затонувшего пиратского корабля под названием «Уида». Что меня больше всего восхищало в Чарльзе, так это его фундаментальное отличие от моих родителей: он не сквернословил, не выходил из себя и не видел проблемы в том, чтобы уступить собеседнику в каком-то вопросе. Воспитанному, спокойно-официальному и добродушному, Чарльзу достаточно было хорошей книги, предпочтительно по истории. Читал он везде и всюду, за исключением разве что пляжа. И каждое летнее утро заявлял о своем желании. «Прошу тебя, милый бог дождя, – нараспев выговаривал он за завтраком, – сделай свое дело, чтобы мне не пришлось сидеть на этом жарком песчаном пляже». И это заклинание неизменно смешило нас.

– Похоже, сегодня будет все, как ты хочешь, Чарльз, – заметил Питер, и наш отчим улыбнулся, оценив зловещую насупленность неба.

– Мы могли бы поехать в Веллфлит и посмотреть, что там поделывает Барри Клиффорд, – предложил Чарльз всем разом и никому в частности. Барри Клиффорд, известный среди местных жителей под прозвищем кейпкодского Индианы Джонса, охотился за затонувшими сокровищами и, как и Чарльз, загорелся идеей найти «Уиду».

Никто не клюнул.

Обычно мать, пока пила чай, подавала Чарльзу его утренний напиток: полную ложку растворимого кофе без кофеина залить остатками кипятка, один раз энергично размешать. Ему так больше нравится, уверяла она нас, это привычка, оставшаяся с холостяцких дней. Но этим утром, когда Бен и Лили приехали к нам на выходные, мать сварила полный кофейник кофе из свежесмолотых зерен, и я, наблюдая, с каким наслаждением Чарльз осушил до дна свою чашку, засомневалась, что ему на самом деле нравился растворимый кофе без кофеина.

Мы сидели на своих обычных местах вдоль столешницы – Чарльз, Питер и я, дружно заглядывая в кухню, где моя мать, оживившаяся под действием чая, скользила от плиты к кухонному острову, от раковины к холодильнику, готовя завтрак. Она остановила свой выбор на кукурузных котлетках и теперь взбивала свежие яичные белки в стойкие пики, счищала зерна с початков, натирала мускатный орех. На столе размягчалось сливочное масло, а на плите грелся кленовый сироп.

Бен и Лили явились последними, свежие после душа, причесанные. Седеющие волосы Лили придерживал, не давая им рассыпаться, ярко-желтый ободок. Она была не из тех женщин, что станут раскошелиться на дорогой салон. Щеголяла в шортах-бермудах, рубашке поло и очках для чтения, которые сидели на ее носу опасно низко. Под мышкой у нее был увесистый том по истории Норвегии; она продемонстрировала его, рассчитывая на одобрение моего отчима, и Чарльз ответил ей кивком и улыбкой.

Бен приветствовал Чарльза своим энергичным «как жизнь?», потом решительно шагнул в кухню, поймал руки матери своими большими ладонями и, ни капельки не стесняясь ни своей жены, ни моего отчима, поцеловал ее прямо в губы.

– Малабар, – заявил он, не отстраняясь от нее, чтобы видеть, как расширяются ее зрачки, – черт возьми, это был лучший ужин в моей жизни!

– Бен, – шутливо одернула мужа Лили, – оставь бедную женщину в покое.

Ее голос был тонким и дребезжащим – последствия лечения от рака, которое она прошла, когда ей не было и тридцати. Семена радиации проросли в груди Лили, и хотя лечение успешно остановило рост опухоли, она же принялась разорять другие части ее тела: яичники, сердце, а теперь и голосовые связки. Хотя Лили больше не была больна, достаточно было взглянуть на нее, чтобы понять, что и здоровой она не была. Хрупкая – вот какое слово приходило на ум.

– И речи быть не может, – не согласился Бен, который ни рук матери не выпустил, ни глаз от нее не отвел. – Сколько найдется на свете женщин, знающих, что делать, когда вручаешь им мешок свежих сквобов? – Он покачал головой, словно до сих пор не веря, что ему так повезло. – Чудо! Просто чудо.

Лицо матери залилось радостным жаром. Было ли в нем и облегчение? Успела ли она мысленно пересмотреть то, что случилось накануне ночью? Пыталась ли убедить себя, что тот поцелуй был всего лишь пьяным куражом, который забудется в утреннем свете? Если да, то теперь она могла быть уверена, что это не так. Бен Саутер только что публично объявил ее чудесной, и этот поступок пробудил в ней спящую чудесность.

Мать вывернулась из его рук и ухватила здоровенную вилку – из тех, на которые насаживают мясо для гриля.

– Бен Саутер, убирайся вон из моей кухни сейчас же!

Бен рассмеялся, пяясь и подняв в воздух ладони в знак капитуляции. Он занял место по другую сторону стола, на табурете рядом с отчимом. Руки Бена рубили дрова, строили заборы, умело убивали всевозможных животных. Руки Чарльза были нежными, как у младенца, правой недоставало подвижности после инсультов. словно нежась в восхищении, которое изливал старый друг на его жену, мой отчим похлопал парализованной кистью по спине Бена; косточки проглядывали сквозь пергаментную кожу. (Мои четверо сводных братьев и сестер так и не сумели определить для себя: то ли моя мать – золотоискательница, охотившаяся за фамильным состоянием, то ли сама – сокровище, раз осталась с Чарльзом после всех его инсультов.)

Снаружи парили чайки, зависая на одном месте, точно детские игрушки на ветру, пока что-то не менялось в воздухе, заставляя их заложить вираж в поисках следующего воздушного потока. Щеглы слетелись на кормушку и скандалили из-за последних крох, пока не начался дождь, а одинокий бурундук под местом птичьей драки подбирал рассыпанную еду. Свет был прекрасен, а потом вдруг пропал, и на его месте зажглось электричество.

Словно дождавшись этого знака, моя мать опустила на столешницу две великолепные стопки кукурузных оладий, зажаренных до золотисто-коричневого совершенства и увенчанных толстыми ломтями бекона. Пока тарелки звякали по мрамору, Чарльз с Беном одновременно склонили головы, принюхиваясь к священному соитию кленового сиропа и свинины.

После завтрака я поднялась наверх, чтобы увековечить монументальные события предыдущих двадцати четырех часов – свой первый оргазм и незаконный материнский поцелуй. Хотя я вела дневник давно, до этого утра его содержание было не особенно увлекательным. И вот за одну ночь моя жизнь стала совершенно иной. Я писала несколько часов.

Вернувшись наконец вниз, я поняла, что маме нужен мой совет. Не зная, как продолжать игру с Беном, она просила моей помощи. Что мне делать? – прошептала она одними губами. На улице лил ливень, а в доме взрослые маялись бездельем, читали книги и смотрели по телевизору теннисный матч.

Мы с мамой прятались по углам, и она рассказывала мне свои тайны; должно быть, для нее было большим облегчением исповедаться в них. Сидя в оконной нише своей спальни, она призналась, что годами страдала депрессией. Знала ли я об этом, спросила она меня. Да, я знала, что частенько ей было трудно встать с постели, и мне приходилось упрашивать ее причесать волосы хотя бы на затылке, прежде чем везти меня в школу. Но, как и большинство детей, я была поглощена собой, переживала о собственных дружбах и любовях и не слишком интересовалась внутренней жизнью своей матери. Все, чего мне на самом деле хотелось, – это твердо знать, что она любит меня больше всех на свете.

В кладовой, среди бутылок с оливковым маслом и кулинарных припасов, Малабар призналась, что после инсультов Чарльза у нее не было иного выхода, кроме как выйти за него замуж.

– Перед тем как он заболел, я любила его, как не любила никого никогда в жизни, – рассказывала она мне. – Но ни один врач не мог мне пообещать, что он когда-нибудь станет прежним. Он не мог говорить. Они не знали, восстановятся ли его интеллектуальные способности, не говоря уже о физических. Он был так добр ко мне и к тебе с Питером, – вздохнула она и вдруг обняла меня.

Наша жизнь была бы совершенно другой, не стань мама женой Чарльза. Мы по-прежнему жили бы в своей старой квартире на Верхнем Ист-Сайде Манхэттена, проводили бы лето в крохотном домике в Наузет-Хайтс, где у нас с Питером была общая спальня – проходная комната, за которой располагалась комнатка матери, еще меньше размером. Я никогда не любопытствовала насчет того, сколько у матери денег – и по сей день ее финансовое положение остается для меня тайной, – но не могу себе представить, чтобы она сумела купить и полностью обновить тот огромный дом, в котором мы жили теперь,

если бы не помощь Чарльза.

- Кроме того, - добавила она, - мы были уже помолвлены.

Мать все теребила и теребила заусенец на безымянном пальце, пока тот не закровил.

- Вступить в брак было единственным достойным выходом.

Тогда я впервые поняла, что мать рассматривала и другие варианты. Потом она взяла меня за руки, отвела глаза, словно держась за остатки материнской благопристойности, и проговорила:

- Ренни, после инсультов Чарльз был скорее ребенком, чем мужем. Если ты понимаешь, о чем я.

Я понимала.

В разные моменты этого дня и последовавших за ним недель, месяцев и лет мой брат Питер, бывало, проходил мимо и заставлял нас за серьезным разговором. Он притормаживал, дожидаясь от одной из нас приглашения присоединиться к этим заговорщицким беседам. В конце концов нас же всегда было трое. До поцелуя Бена мнение Питера в нашей семье ценилось так же высоко, как и мое. Но теперь наша мать резко обрывала разговор и смотрела на сына с нетерпением, словно говоря: Что тебе здесь надо? По лицу Питера пробежала тень - он явно был уязвлен тем, что его отвергают, и шел дальше. Сейчас мне легче это вспомнить, чем тогда - понять.

- Да что с вами обоими такое? - не выдержал он в тот первый день, когда мы с матерью в очередной раз закрылись в кладовой. От терпеть не мог чувствовать себя оставленным за бортом.

- Ой, да ничего особенного на самом-то деле, - уверила я его. - Проблемы с мальчиками. Поверь мне, тебе будет скучно.

Наверное, Питер подумал, что я изливаю матери душу насчет Теда.

С этого момента я начала лгать всем.

Солнце наконец протолкнуло сквозь небо широкие колонны косо́го света. Отлив был на максимуме – тот тихий час, который отмечает отступление моря и обнажает жизнь, кишашую под поверхностью нашего залива: моллюсков, вспахивающих песчаное дно, точно плуги, совокупающихся мечехвостов, косяки мелкой рыбешки, двигающиеся в идеальном синхронизме. Когда процессия солнечных лучей слилась в один столб, день стал длинным от этого света, и в моем сознании открылось пространство, точно щель между лодкой и причалом.

Я выбежала из дома, схватила проволочное ведро, которое мы держали в уличном душе, отодвинула одну из раздвижных стеклянных дверей и заглянула в комнату.

– Кто хочет пойти за моллюсками? – спросила я.

Лили и Чарльз одновременно подняли головы от книг, лениво улыбнулись и отказались. Зато Бен тут же поднялся – а я знала, что так и будет, – жаждая действий. Этот человек не мог долго усидеть на одном месте. Мать посмотрела на меня с такой благодарностью, какой я не ожидала, но осталась сидеть в кресле. Ей нужно было, как я понимала, чтобы ее уговаривали во всеуслышание.

Приходило ли мне в голову, что я предаю Чарльза, который всегда был мил и добр со мной и Питером; Чарльза, которого я любила? Если и да, я отгоняла эту мысль. Все, что я знала в тот момент, – это ощущение невероятной удачи. Моя мать выбрала меня, и мы вместе отправлялись на великие приключения.

– Ну пойдем же, мам, – поднажала я. – Это будет здорово.

И, точно в шахматах, переместив фигуру и отпустив ее, я уже не могла отказаться от хода.

* * *

В маршах[б - Марши – низменные полосы морского берега, подверженные воздействию высоких приливов или нагонов морской воды.] за заливом, за волнистыми пустошами песчаных отмелей, черноголовые крачки неодобрительно закричали при нашем приближении. Мама, Бен и я скользнули в заводь, теплую, как ванна, и наши стопы утонули в иле. Воды здесь было всего по пояс, но мы согнули колени, словно садясь на воображаемые стулья, и погрузились в воду до подбородка. Водили ногами по илу, взмучивая воду, пытаясь заставить не особо чуткие инструменты собственных ступней действовать не хуже глаз и рук, нащупывая бугорки в темном иле. Но даже в этих неподвижных водах внизу скрывались неожиданности; вдоль дна скользили угри, мелкие рыбешки тыкались в щиколотки, по босым ступням проползали какие-то шипастые твари. Скоро по маминой ноге пробежался краб, она бросилась искать защиты у Бена на коленях, и я представляла себе его руки, невидимые под темной водой, обвившиеся вокруг ее талии.

Я вылезла из заводи, утверждая, что знаю местечко получше – ведь всегда найдется заводь получше той, в которой ты сидишь, – и метнулась прочь по колючей траве маршей, в пылу бегства позабыв ведерко. Там, в следующем приливном водоеме, я наконец нашла свой ритм, нащупывая ступнями одного моллюска за другим. Задрала свою безразмерную футболку, превратив ее подол в сумку, и складывала туда черристоуны и литлнеки, пока она не почернела от ила и не провисла мешком.

Может быть, прошел час, может, чуть меньше. Солнце снижалось на вечеревшем небе, и надвигающийся прилив гнал в марши прохладную воду. Я замерзла. Вернулась к лодке, оттерла свою добычу песком и сложила очищенных моллюсков на мелководье, где песчаное дно залива бороздили бесчисленные ходы. Улитки. А эти ходы – задержавшиеся ненадолго призраки проделанных ими путешествий. Пока океан омывал моллюсков, я наблюдала, как раскрываются двустворчатые раковинки и между створками появляется розовый изгиб плоти, чтобы глотнуть напоследок воды.

Моя мать тоже вышла из заводи и сидела в отдалении на берегу, вытянув свою длинную шею, уверенная, с блестящей на солнце кожей. Она флиртовала с Беном, который весь перемазался в болотном иле и, кажется, изображал чудовище из глубин. Наконец он опустился рядом с ней – как животное, на четвереньки, – и язык их тел резко изменился. Они склонили головы, придвинувшись ближе друг к другу, и даже издали я догадалась, что они шепчутся, стараясь, чтобы их слова ненароком не перелетели через залив.

Принимали ли они решение – там и тогда? Выбирали, стоит ли двигаться дальше? Один раз поцеловавшись, они уже не могли сделать так, чтобы этого поцелуя не было. Так они рассуждали? Мы уже сделали это...

Теперь я гадаю, сказал ли кто-нибудь из них хоть слово против того, чтобы пускаться в этот роман, приводил ли доводы, говорил ли о последствиях, о дружбе и семьях, стоявших на кону.

Когда Бен поднялся на ноги и помог Малабар встать, легкий наклон головы матери, то, как она подавалась к нему, дали мне ясно понять, что они решили продолжать, – так же естественно и безвозвратно, как если бы бросили камень в океан.

Глава 3

Мне было пять лет, когда расстались мои родители, и с тех пор мать гналась за новой и лучшей жизнью. Это было в начале 1970-х, когда уровень разводов в стране резко взлетел вверх. Вначале съехал из квартиры мой отец, и мы стали реже видеться – каждые вторые выходные и по вечерам в среду на каждой второй неделе. В 1971 году он снова женился. В те времена дети часто оказывались в новых семьях, городах, школах и должны были адаптироваться, что и случилось со мной, когда я перешла в четвертый класс.

Нам с Питером было соответственно восемь и девять лет, когда наша мать вышла за Чарльза и мы переехали из скромной квартирки в Манхэттене, где у нас была общая спальня, в семейное поместье Гринвудов в Массачусетсе – Честнат-Хилл, богатый пригород Бостона. В один миг мы с братом обзавелись четверьмя взрослыми сводными братьями и сестрами – никто из них с нами не жил – и скакнули вверх на несколько ступенек по социальной лестнице.

Наш новый дом был особняком с семнадцатью спальнями, девятью ванными комнатами, библиотекой, гостиной и столовой, с величественным холлом, который освещали две люстры размером со стол каждая, и с крылом для слуг вдвое бо?льшим, чем наша прежняя квартира. Некоторые комнаты в нем казались огромными, почти как теннисный корт, достаточно длинными, чтобы я могла выполнить свою любимую акробатическую связку – разбег, колесо,

обратный переход, – и снабженными каминами размером с крепость. Наше новое столовое серебро, наследство по линии матери Чарльза, было тяжелее прежних приборов; его вес указывал на что-то такое, что я не вполне понимала. Сводные пугали нас рассказами о летучих мышах и призраке давно почившего садовника, который обитал на землях поместья.

Я в этом доме чувствовала себя не в своей тарелке, что мы списывали на его адрес: Эссекс-роуд, дом 100. Я скучала по отцу и подругам в Нью-Йорке, а также по обществу брата, с которым мы больше не делили одну комнату. Спальня Питера располагалась далеко от моей, на другом этаже, в другом крыле; у нас даже не было общей лестницы, чтобы случайно столкнуться на ней. В новом доме классическая поговорка «детей должно быть видно, но не слышно» воплощалась еще буквально: детей не было ни видно, ни слышно. Но, когда я впервые увидела, как моя мать спускалась по роскошной мраморной лестнице, той, что изгибалась наподобие оконечности самого Кейп-Кода, мне стало ясно, что она попала в свою стихию.

Каждые вторые выходные нас с Питером отправляли повидаться с отцом, как правило, в его домик в Ньютауне, штат Коннектикут, куда мы часто ездили всей семьей раньше. Мы садились на автобус «Грейхаунд» из Бостона до Хартфорда и занимали места прямо за кабинкой водителя, нашего де-факто бекситтера, которому мать сообщала, что мы путешествуем одни. Отец встречал нас на автовокзале, и остаток пути мы проделывали в его машине. Крохотный белый домик стоял на плато в лесу, окруженный развалившимися каменными стенами и высокими лириодендронами. Очаровательная и спартанская, эта хижина во всех отношениях была противоположностью особняку, который мы ныне называли своим домом. Сзади к ней примыкал полуразрушенный флигель, в большой комнате стояла старинная печь Франклина[7 - Печь Франклина, или Пенсильванский камин, – металлический камин, созданный Бенджамином Франклином в 1742 году для улучшения теплопроводности и экономичности.], которая согревала нас в холодные ночи, а еще там была старая стальная ванна, которую отец наполнял подогретой водой в тех редких случаях, когда мы там мылись.

Наши уик-энды в хижине следовали заведенному порядку: мы готовили пасту с мясным соусом вечером в пятницу, на следующее утро шли ловить форель в речке за домом и приглашали соседей на ужин в субботу – к нему всегда были стейки с кровью, жаренные на открытом огне. Изредка отца сопровождала спутница, но отсутствие водопровода отпугивало всех, кроме самых стойких

женщин. В середине дня в воскресенье мы пускались в обратный путь в Честнат-Хилл. Как правило, возвращались автобусом, но иногда нас отвозил отец, и его настроение постепенно делалось все более мрачным по мере того, как мы приближались к дому 100 по Эссекс-роуд. У последнего правого поворота на длинном подъезде к дому он бросал взгляд на спидометр и сообщал нам точное число километров, которое преодолел, чтобы доставить нас домой.

В то время применительно к разводу бытовало убеждение, что дети – создания жизнестойкие, которым лучше будет со счастливыми родителями. Это была новая парадигма – или по крайней мере та ее версия, которую приняли наши родители и помогали поддерживать мы. (Сегодня-то мы понимаем, что то, что лучше для родителей, не обязательно лучше для детей.) На столе моей матери замершие в рамке в форме акрилового куба времен 1970-х стоят шесть фотографий, мои и Питера, сделанные в этот период. На всех снимках у нас отсутствующий взгляд, а лица излучают тревогу и боль потери.

По сей день я не могу вообразить, что мои родители когда-то были влюблены друг в друга, как не могу и понять, что привлекало их друг в друге. Хотя в наших младенческих альбомах есть фотографии, на которых они вместе, у меня не сохранилось никаких воспоминаний о них как о супружеской паре. Мой отец ежедневно занимался писательским трудом, любил рыбачить, возиться в саду и довольствовался жизнью по средствам. Мать была ненасытной приобретательницей, всегда стремилась к лучшей, более роскошной жизни. Мне родители всегда казались полярными противоположностями.

Моей матери теперь далеко за восемьдесят, она страдает деменцией, но сохраняет такую же величественность, как и ее невероятно помпезное имя. Когда ее спрашивали, откуда она родом, она объясняла, что, хоть и родилась в квартале Малабар-Хилл в Бомбее, на самом деле ее нарекли в честь вымышленных Малабарских пещер из классического романа Э. М. Форстера «Путешествие в Индию» – это литературное уточнение было для нее важно. Вот только она ошибалась: пещеры в романе Форстера назывались Марабарскими. Эта часть ее истории так и остается для меня тайной, но, возможно, моя мать имела в виду то, что символизировали эти пещеры: одиночество человеческого существования.

Я представляю, как она в первый день в детском саду сидит, скрестив ноги, рядом с другими пятилетками. Они поочередно представляются: Рут, Элизабет,

Рейчел, а потом, когда настает ее очередь, звучит это необычное имя – Малабар. Стала бы она той же всевластной личностью, если бы ее нарекли Бетти или Джейн? Я не могу не думать об этом. Как известно каждому фокуснику, это не дым и не зеркала обманывают людей; это человеческий разум делает допущения и ошибочно принимает их за истины.

Родившаяся в 1931 году в Индии, Малабар была единственным ребенком Берта и Вивиан, двух самовлюбленных харизматиков, чьи эпичные и подогреваемые алкоголем отношения привели к тому, что они дважды вступали в брак друг с другом и дважды разводились. Через пару месяцев после рождения Малабар – Мэбби для родителей – ее мать, тяжело больная солитером, узнала, что импульсивный изменник-муженек снова принялся за старое. Она взяла новорожденную дочку, бежала из Индии и вернулась в свой дом в Нью-Йорке.

Первое воспоминание моей матери о ее отце (и вообще ее первое воспоминание) – как она, тогда примерно трех лет, однажды утром открыла дверь в спальню матери и увидела его пенис. «Я твой отец, Мэбби», – объявил Берт, как будто это объясняло все – и его появление в их нью-йоркской квартире, и его эрегированный пенис, и его существование вообще. Берт, явно пытаясь спасти свой брак, взял отпуск и приехал в Штаты из Индии. Такой протокол был заведен в его фирме: три года за границей – три месяца дома.

Примирения не вышло. Малабар помнит долгую поездку вдвоем с матерью, когда ей было около пяти, и документы подтверждают, что в 1935 году Вивиан действительно ездила в Калифорнию. Малабар смутно припоминает, что после этого они долго ехали на машине в Неваду, единственный в то время штат, где принимали многочисленные основания для развода и не требовали ни обязательного соблюдения периода «на примирение», ни предоставления доказательств постоянного проживания в штате.

Но моим вспыльчивым и харизматичным бабке с дедом вместе было тесно, а врозь скучно, и их первый развод долго не продлился. Во время второго впечатляющего предложения о браке Берт встал на одно колено, чтобы объявить – снова – о своей вечной любви к Вивиан. На сей раз это случилось на рождественском званом ужине в присутствии нескольких близких друзей. Он вручил ей потрясающий подарок: ожерелье из бриллиантов, рубинов, изумрудов и других драгоценных камней, которое она увидела и страстно возжелала во время первой поездки в Индию, хотя тогда и вообразить не могла, что когда-нибудь оно будет принадлежать ей. Потрясенная экстравагантностью и

щедростью деда бабушка приняла его предложение, и они снова поженились в 1940 году. А год спустя мой дед тайно прижил сына от женщины, на которой обещал жениться.

Они разошлись, теперь уже навсегда, после того как моя мать окончила школу. А ожерелье в итоге перешло к Малабар. За минувшие годы этот сомнительный трофей обреченных отношений Берта и Вивиан полностью завладел воображением моей матери. Что именно он для нее символизировал, я никогда не узнаю точно (сокровище, гламур другой эпохи, любовь ее родителей?), но подозреваю, что ожерелье было символом жизни, к которой она в глубине души стремилась, считая, что заслуживает ее.

Малабар выросла, поступила в Рэдклиффский колледж[8 - Рэдклиффский колледж - престижный частный гуманитарный женский колледж, основанный в 1879 году и впоследствии ставший частью Гарвардского университета.] и начала карьеру журналистки в Нью-Йорке, где работала сперва репортером в American Heritage, а потом постоянным автором в Time-Life Books. С подачи психиатра, который помогал ей решать проблемы с обязательствами в отношениях (ее, незамужнюю в двадцать восемь, считали старой девой), она решилась на брак с моим отцом, Полом Бродером, который тогда был штатным автором колонки «О чем говорят в городе» журнала New Yorker.

Жизнь моих родителей начиналась многообещающе. Их первый ребенок, Кристофер, родился 15 октября 1961 года. Их карьеры набирали обороты, молодые родители были молоды и амбициозны. Но в начале 1964 года, когда моя мать была беременна во второй раз, случилась трагедия. Кристофер подавился кусочком мяса, который спрятал за щеку, когда семейство возвращалось в город из летнего домика в Ньютауне. Моему брату было два с половиной года, когда он умер.

У Питера не было иного выхода, кроме как купаться в скорби Малабар вплоть до самого рождения, которое состоялось в июне. Потом через шестнадцать месяцев после Питера на свет появилась я. Я родилась в день рождения Кристофера, 15 октября. Мое рождение всегда казалось мне результатом мощного и бессознательного материнского стремления компенсировать ту жизнь, которая была утрачена.

В раннем детстве я интуитивно чувствовала, что с моим днем рождения что-то необъяснимо неправильно. Задолго до того, как родители рассказали нам с Питером о существовании и трагической смерти Кристофера, я понимала, что какой-то маленький мальчик был частью нашей семьи – прежде, но не теперь. Подсказки имелись в изобилии. Крохотная пара пинеток цвета мха, не Питера и не моих, висела на крючке на двери нашей спальни. Плюшевый мишка в джинсовом комбинезоне, к которому нам не разрешали прикасаться, сидел на подоконнике в маминой спальне. Фотографии улыбающегося ребенка в солнечных очках матери, тянущего в рот отцовскую трубку. Он был кареглазой версией Питера и меня.

Когда я спросила о мальчике на фотографиях бабушку, мать отца, «заново рожденную»[9 - «Рожденные заново» – протестантская экспансионистская церковь в США, членом которой является бывший президент США Джордж Буш-младший.] христианку со щеками-яблочками, она рассказала мне о грехе, о том, кто попадает на небеса, а кого отправляют в ад и почему. Эта концепция привела меня в недоумение. Родители никогда не водили меня в церковь, я ничего не знала об Иисусе.

Но я хотела знать, кто же этот мальчик? Он был похож на нас с Питером. Где он теперь?

Знаете, что она ответила? В чистилище.

Из этого разговора я вынесла – явно вопреки намерениям бабушки, – что я грешница, как и мои родители, и смерть Кристофера связана с нашими общими преступлениями. А с чего бы еще Богу играть такие шутки с моим днем рождения? Мне также подумалось, что Кристофер, где бы он ни был, тоже не очень доволен моими попытками заменить его.

* * *

Кого ты любишь больше всех на свете?

Это был важнейший вопрос моего детства, тот, который я задавала матери почти ежедневно, часто, когда она делала макияж. Мы сидели в ее комнате, я – на кровати, она – на банкетке перед туалетным столиком, с тубиком

перламутрово-розовой помады в руке. Помню, как ее лицо светилось в трехстворчатом зеркале. И каждый раз казалось, что ей приходится заново думать над моим вопросом.

Пожалуйста, скажи мне. Пожалуйста, скажи.

Любовь Малабар была вечно колеблющейся стрелкой ее компаса. Мать не торопилась отвечать, аккуратно нанося помаду, а потом неожиданно обнимала меня и заговорщицки шептала: «Тебя, глупышка моя! Тебя». Боже, я обожала этот момент, когда все ее внимание принадлежало мне, когда она обвивала меня руками и утешала! Но любовь Малабар не была безусловной. Если я чем-то ее разочаровывала, вела себя эгоистично или нарушала какое-нибудь неписаное правило, она хранила молчание, позволяя мне прочувствовать всю тяжесть ее отстраненности и возможности того, что она любит Питера или Кристофера больше, чем меня.

Когда на нее нападала меланхолия, мать читала вслух стихотворение под названием «Понедельничный ребенок», всегда замедляя темп, когда приближалась к последним строкам.

Понедельничный ребенок светел личиком с пеленок.

Кто во вторник был рожден – благодатью награжден.

Ну, а кто родился в среду, терпит горести и беды.

Четверговое дитя далеко пойдет шутя.

Тот, кто в пятницу рожден, добрым сердцем наделен.

Коль родился ты в субботу – хлеб добудь трудом и по?том.

А рожденным в воскресенье – счастье, радость да веселье.

Я наконец поняла, почему ее глаза подергивались влажной дымкой. Мы с Питером родились в будние дни, а Кристофер был воскресным ребенком, самым особенным из всех. Он был ее сокровищем, первенцем, мальчиком, чей день рождения я, сама того не желая, присвоила. Кристофер стал моей идеей-фикс, но состязаться с призраком было невозможно. Я не могла отделаться от мысли, что, если бы у моих родителей был выбор между Кристофером и мной, они выбрали бы его.

В детстве мы с Питером мало-помалу собрали историю нашего брата из разных источников, и, как это обычно бывает, в процессе пересказа факты путались и искажались. У Кристофера оказался кусочек мяса за щекой – это все, что мы знали точно. А дальше... Никто не знал, что он спрятал за щекой мясо. Все знали, что он спрятал мясо. Кристофер подавился, когда машина подпрыгнула на дорожном ухабе. Нет, удушье началось на парковке у антикварного магазина. Родители были в это время с ним. Родители были в это время в магазине, но за ними прибежала компаньонка. Пожарный пытался реанимировать Кристофера. Врач, у которого был кабинет поблизости, отказался помочь. По словам матери, во всем винил себя наш отец. По словам тетки, виновата была компаньонка. На то была воля Божья, заявила бабушка.

Но финал не менялся: наш брат умер до того, как родились мы с Питером, и нам предстояло вечно жить в его тени.

Я знала свою мать только как человека, которым она стала после смерти Кристофера, – как мать, потерявшую ребенка. Кем она могла быть прежде? Я воображаю ее в те дни, недели и месяцы, которые последовали за смертью Кристофера, пытающуюся изменить реальность силой мысли, как делают люди, сраженные скорбью. Я представляю то ежедневное потрясение, когда она просыпалась после пары часов забытья, наваянного снотворным, и снова вспоминала, что ее сын мертв. Забывала и вспоминала. Я гадаю, ушла ли для нее в прошлое эта часть жизни хотя бы теперь, достаточно ли пяти с половиной десятилетий, чтобы справиться с такой трагедией, или по-прежнему случаются моменты, когда время перестает быть и ее му?ка вновь одерживает верх над всем остальным.

* * *

Когда на Малабар находило сентиментальное настроение, она доставала то индийское ожерелье. Вынимала бархатный пурпурный футляр из закрывавшейся своей гардеробной, ставила его на кровать между нами и откидывала крышку. Оно лежало внутри.

– Это ожерелье – самое дорогое из всего, что у меня есть. Ты понимаешь, Ренни? Оно необыкновенное и бесценное, абсолютно бесценное, – говорила она. – Мне следовало бы завещать его музею. Любое иное решение было бы

безответственным.

А потом Малабар заставляла меня обещать, снова и снова, что, если она оставит ожерелье мне, я никогда не продам его, что бы ни случилось. Я клялась своей жизнью, что не сделаю этого.

Однажды она обернула этим сверкающим ошейником мою шею, и я ощутила на себе его солидный вес, наше ярмо. В то время мне было лет десять. Я уже не была беленькой, как одуванчик, но все еще со светлыми волосами, почти невидимыми бровями, округлыми, детскими чертами. Все в моем лице было мягким – нос, щеки, подбородок, – и мне не хватало стати, необходимой для этого украшения. Моя мать – темноволосая, темноглазая, непобедимо прекрасная – расхохоталась. Мы обе рассмеялись. Я выглядела нелепо.

– Не расстраивайся. Ты до него еще дорастешь, – сказала она, расстегивая замок. – Наденешь его на свою свадьбу, – добавила она, а потом любовно уложила ожерелье обратно в футляр.

Глава 4

Прикрывая тайный роман Малабар, я говорила Чарльзу одно, отцу и Питеру – другое, друзьям – третье, пытаюсь объяснить отлучки, ее или свои собственные. Кто-то должен был заботиться о Чарльзе, пока ее не было. Он по-прежнему каждый день ездил в офис, но дома ему требовалась помощь. Отчим, с полупарализованной правой стороной тела и слабым сердцем, не мог самостоятельно приготовить ужин или открыть пузырек с нитроглицерином, этими крохотными белыми таблетками, которые он принимал по меньшей мере десяток раз на дню. Я научилась придумывать отговорки и прятать правду под всем, что удавалось на нее набросить.

Лгать мне было не впервой. Это умение приходит само, когда твои родители разведены и два человека, которых ты любишь и в которых нуждаешься больше всего, становятся противниками. Когда меня расстраивало что-то в доме одного из родителей – гостья, оставшаяся на ночь, или десяток таблеток на тумбочке у кровати, – я не искала утешения у другого, потому что каждый кусочек информации был бы использован как оружие в военных действиях.

Более того, ложь и воровство никогда особо не осуждались в нашем доме. Позволять себе «маленькие вольности», заботясь о том, чтобы мать в любой ситуации получила то, что хотела, было обычным делом, а часто и забавой, привычной неотъемлемой частью некоей затейливой игры, нашего семейного развлечения. В нее входил, например, ежегодный набег на виноградник Миллерсов, чтобы наворовать винограда для приготовления домашнего желе. «Они наши старые друзья, они не станут злиться», – убеждала она, но все же оставляла машину на холостом ходу, пока мы в сумерках украдкой проникали на соседскую землю, тайком обходили лозы и заполняли багажник ароматными гроздьями. Эти авантюры были так же неразрывно связаны со сладостью ее желе, как и сургучные печати, покрывавшие каждую банку и издававшие восхитительное «чпок», когда на них нажимали выпуклой стороной ложки.

Когда мне было около пяти, я решила порадовать мать, собрав для нее букет цветов. В тот день она мыла полы в нашем коттедже в Наузет-Хайтс, и вид у нее был отсутствующий. Должно быть, она тогда поссорилась с собственной матерью, а может, ее расстраивал затянувшийся бракоразводный процесс Чарльза; этого я не знаю и никогда не узнаю. Может быть, она мучилась похмельем после вечеринки накануне. Какова бы ни была причина, мне хотелось сделать ее счастливее. Я всегда хотела сделать свою мать счастливее.

Решившись собрать для нее самый красивый и роскошный букет, какой она видела в своей жизни, я взяла кухонные ножницы и вышла из дома. Я поочередно отвергла маргаритки, которые росли, как трава, вдоль центральной полосы нашей длинной подъездной дорожки, редкие тигровые лилии, которые выглядывали из кустарника, изящные чайные розы, окаймлявшие изгородь из штакетника. А потом увидела их, самые подходящие цветы, что манили меня с вершины холма позади нашего дома: циннии оттенков губной помады – ярко-оранжевые, розовые и пурпурные – они выстроились зигзагообразной линией и подмигивали мне из сада наших соседей. Вот эти точно поднимут ей настроение. Я обкорнала полянку в три минуты, оставляя за собой след из обезглавленных стеблей, ни на секунду не побеспокоившись о реакции соседей.

Я летела домой, как на крыльях, повесив ножницы на мизинец, едва удерживая в руках охапку своих сокровищ. У кухонной двери меня с неприкрытым восторгом встретила мать.

– О, Ренни! – проговорила она, подхватывая меня вместе с цветами и усаживая на разделочный стол. – Ты самая милая девочка на свете.

Наверняка она с одного взгляда догадалась, чьи это были циннии, но никакого разговора о том, что делать правильно или неправильно, не последовало. Никакой лекции о частной собственности, никакого намека на то, что в наши дни называют «педагогическим моментом». Мать сразу взялась ставить цветы в вазу, один за другим, вначале щекоча их лепестками мой нос, потом нарекая каждую циннию каким-нибудь помпезным и дурашливым именем – Франческа, Филомена, Эванджелина – и погружая стебли в воду. За удовольствием, доставленным матери, всегда следовало теплое и немедленное вознаграждение. Примерно неделю спустя, когда Филомена и ее товарки начали увядать, мать сама вручила мне ножницы и подтолкнула к двери. Я таскала домой букеты все лето.

А еще были столовые приборы. И по сей день среди всякой всячины, которую можно найти в ящике для мелочей в кухне Малабар, попадаются разрозненные приборы из фирменных наборов авиакомпании «Пан-Американ» семидесятых годов, потемневшие напоминания о моей ранней преступной карьере. После того как Чарльз и моя мать полюбили друг друга и продолжали вариться в самой гуще своих скандальных разводов (а у Чарльза еще и затянувшегося надолго), мы вчетвером начали довольно часто летать самолетом то в Бостон, где жил Чарльз, то в Мартас-Винъярд, где у его семьи была своя земля, то на разные курорты.

Это происходило в те времена, когда путешествия на самолете были роскошью и с пассажирами обращались как с посетителями дорогого ресторана; даже в эконом-классе горячие блюда подавали с льняными салфетками и миниатюрными металлическими приборами. Моя мать прикарманивала эти вилочки и ножички. Она терпеть не могла пластиковую посуду, и ей пришла по душе идея брать настоящие столовые приборы на наши пляжные пикники, поэтому мы, куда бы ни летели, соревновались между собой, стараясь умыкнуть как можно больше добычи. Я нажимала кнопку вызова стюардессы – что само по себе вызывало восторг, – жаловалась ей, что мне подали еду без приборов, и она приносила запасной набор вместе со значком – серебряными пилотскими крылышками. Вскоре после этого я снова нажимала эту соблазнительную кнопку и на сей раз заявляла, что уронила вилку. Стюардесса приносила еще один завернутый в салфетку комплект и вручала его мне с улыбкой и подмигиванием.

Моим рекордом, помнится, были четыре набора за один рейс. Мы тогда летели навестить наших с Питером бабушку и дедушку в арizonском городе Финиксе.

Для меня имело значение только то, что нравилось моей матери; своего морального компаса у меня не было. Прошли годы, пока мне стали понятны те силы, которые сформировали ее личность и ту личность, которой стала я, тогда я осознала, сколько плохого мы обе совершили. А в то время я понимала только, что чувствую себя любимой, когда делаю свою мать счастливой, и эта цель оправдывала любые средства. Начиная с моих четырнадцати лет счастливой ее делал Бен Саутер. В результате моя ложь свернула на темную сторону. То, что начиналось как сознательный выбор, превратилось в привычку и сделалось мышечной памятью моей совести.

В первые годы их романа летние вечера у нас проходили так: мы с Питером, закончив ужинать, садились на велосипеды и ехали к своим друзьям. У нас сложилась крепкая компания приятелей, наполовину состоявшая из летних отдыхающих вроде нас самих, а наполовину из местных. Были и такие, которые приезжали и уезжали, но в основной компании нас было восемь. Мы играли в бесконечную «бутылочку» на пляжах залива, где воздух был густ от соли, и пивные банки в сумке-холодильнике звякали, точно игральные кости. В особенно отвязные вечера мы доплывали до пластикового пирса недалеко от берега, стаскивали с себя под водой купальники и плавки, оставляли их на плоту и ныряли, трепеща от восторга при мысли, что плаваем голые, но невидимые, в присутствии друг друга.

Этот привычный распорядок изменился, когда у меня появилась тайна матери и задачи, с ней связанные. В дни, когда приезжали Саутеры, я считала себя обязанной уходить с этих подростковых сборищ пораньше, чтобы добраться домой к окончанию ужина. К моему возвращению обе пары были уже навеселе. Я наскоро перекусывала чем-нибудь из того, что мать сотворила на ужин, а потом невинно предлагала пойти на прогулку – «моцион», как называла это мать, – зная, что Чарльз и Лили ни за что не пойдут. Кто станет подозревать что-то нехорошее в вечерней прогулке в сопровождении дочери-подростка? Никто. Должно быть, мать с самого начала сообщила Бену, что я посвящена в их тайну, и, очевидно, этот факт его не смутил. В конце концов, именно мое присутствие делало все это возможным.

Я брала их обоих за руки, тащила к двери, и мы выходили на дорогу, распевая «Я вижу луну, и луна видит меня». Эта сценка выглядела так, будто сошла с картины Нормана Роквелла[10 - Норман Роквелл (1894-1978) – американский художник и иллюстратор. На протяжении четырех десятилетий он иллюстрировал обложки журнала The Saturday Evening Post.]. Но стоило нам троим завернуть за угол и выскользнуть из круга света уличного фонаря, как мать с Беном начинали страстно целоваться, часто – когда я еще стояла между ними, в таком тройственном объятии. В этой любовной истории мы были вместе. Доходили до вершины холма, порой чуть дальше. Прогулки были не главной целью наших вылазок. На обратном пути Бен с матерью сворачивали с дороги и незаметно ускользали в дом для гостей – принадлежавший моей матери коттедж по соседству, сдававшийся в аренду и часто стоявший пустым.

Они говорили, что им нужно обсудить следующую встречу. Я оставалась ждать их перед домом, глядя, как лунный свет играет на поверхности воды. Садилась под дерево, похожее на леденец, столь любимое матерью за очаровательную форму, и слушала далекие глухие удары волн, разбивавшихся о внешний пляж. В те мгновения я воображала, что слышу, как с матери соскальзывает платье, как Бен целует ее ключицы, как стонут половицы под весом их нежности.

Глава 5

Моя жизнь во время учебного года сильно отличалась от летней жизни на Кейп-Коде. С одной стороны, мне было одиноко. Тот особняк, который мы с Питером называли домом с начала второго замужества матери, не способствовал семейной близости и общению. Наши с Питером спальни – равно как и остальные пятнадцать спален в доме – находились слишком далеко от семейной комнаты, чтобы мы могли подслушивать негромкие родительские разговоры, не говоря уже о том, чтобы засыпать под их успокоительные далекие вибрации. Дом был так велик, что в нем не задерживались даже определенные запахи конкретных помещений – например, аромат коричневого сахара в кухне после того, как мать пекла пончики, или дымок от разожженного камина в кабинете. Звуки и запахи терялись в этой обширности.

Кроме того, дом 100 по Эссекс-роуд был выставлен на продажу уже в момент нашего приезда, что создавало ощущение непостоянства нашего места

жительства. Этот дом невозможно было протопить в те скудные на электроэнергию годы и еще невозможнее продать; единственное добросовестное предложение поступило от Церкви объединения[11 - Церковь объединения – секта, основанная Мун Сон Меном в 1954 году в Сеуле (Южная Корея). В течение следующих нескольких десятилетий Церковь объединения распространилась во многих странах мира и имеет от пяти до семи миллионов последователей, которых в России называют мунистами.], то есть от мунистов, но соглашаться на сделку, которая повредила бы родовой репутации Чарльза, было никак нельзя. Что подумают соседи? Поэтому мать и отчим делали то, что делали представители «белой кости» из поколения в поколение: проживали остатки фамильного состояния, поддерживали внешнее благополучие и сильно пили.

Типичный день из нашей тогдашней жизни протекал примерно так: каждое утро Чарльз, шаркая, отправлялся на работу в инвестиционный банк и брокерскую фирму, основанные его дедом и носившие родовое имя. Он недолюбливал свою работу, но, к счастью, страсть к археологии дарила ему некоторое утешение и позволяла мириться с этим отупляющим уделом. Начиная с десятого класса мой брат пошел в одну новоанглийскую частную школу, а я в другую. Питер поступил в Роксбери-Латин, независимую школу для мальчиков, а я – в Милтон-Академи, солидное заведение с величественным кампусом, просторными зелеными лужайками, ухоженной территорией и импозантными зданиями из красного кирпича, чьим девизом было «смею быть правдивым». А наша мать заполняла свои дни... ну, я никогда не знала точно, чем она занималась. Может быть, расхаживала по громадной фамильной резиденции, пытаясь вписаться в эти декорации, достойные кантри-клуба, или размышляя, как начать новую карьеру после того, как забросила старую. А может быть, просто гадала, не совершила ли она огромную ошибку.

Во время учебного года мы с Питером ужинали вместе за кухонным столом каждый вечер примерно в шесть, как раз когда Малабар с Чарльзом открывали свой неспешный час коктейлей. Ритуал начинался с оживленной дискуссии о том, что они будут пить сегодня: бурбон или скотч. Это решение всегда давалось им нелегко, поскольку предполагало определенные обязательства на весь вечер. Если выбрали бурбон, значит, бурбон и будет, причем не только в первых порциях – по глотку со льдом, – но и в «Манхэттене» и его повторях. Очень редко в барной карте фигурировали ром или ржаной виски. Но водка – никогда, по крайней мере никогда по вечерам (зато порой пробиралась в «Кровавую Мэри» за бранчем). И уж точно ни разу не было джина, который Малабар страстно презирала. Ее мать, Вивиан, поила им дочь с двенадцати лет в качестве

средства для облегчения менструальных спазмов. И хотя Малабар так и не простила мать за то, что она вычеркнула прекрасный напиток из ее коктейльного репертуара, мне она прописывала то же самое «лекарство», создав в моем подсознании ассоциацию между джином и менструацией, от которой я не могу отделаться и сегодня.

Когда было решено, что пить, Малабар приносила подходящие бокалы – тумблеры или хайболы, – а Чарльз разливал напитки. Потом, воодушевленные предвкушением, они удалялись в библиотеку, где усаживались на плюшевые диваны, которые разделял старинный столик, пестривший подставками под бокалы. Из тех коктейльных разговоров и состояла их совместная жизнь.

* * *

Начиная с 1980 года тайный роман моей матери затмил почти все остальное в ее жизни. Она сияла и пылала, на некоторое время ослепленная им. Она по-прежнему делала для Чарльза то, что было в ее силах – устраивала званые ужины, сопровождала его на мероприятия, организовывала семейные сборища, – но насытиться Беном Саутером не могла.

– Ренни, я в жизни не чувствовала себя настолько живой, – однажды призналась она легкомысленно. Малабар сидела на табурете в своей ванной комнате, я стояла позади, нанося кондиционер с хной на ее волосы. Смесь, только что приготовленная, имела консистенцию ила и пахла мокрым сеном.

– Расскажи мне, как это, – попросила я, хоть мы уже и вели подобные разговоры прежде, да я и сама видела, как ветреные силы страсти и неверности наполняли мою мать бьющей через край радостью. Просто мне нравилось слушать, как она об этом говорит.

– Это словно тот момент в «Волшебнике страны Оз», когда все из черно-белого становится цветным, – ответила она, резко разворачиваясь на табурете, чтобы видеть мое лицо. Прядь намазанных хной волос хлестнула ее по нижней губе, брызги кондиционера полетели во все стороны, и мы обе рассмеялись.

– Не уверена, что ты понравишься Бену с усами, – сказала я, возвращая сбежавшую прядь на место, на вершину болотной горки остальных, собирая и

упаковывая все это зеленое месиво в чистую шапочку для душа. Хна оставила темную линию под носом у матери, которую я стерла теплой мягкой мочалкой. Мы проводили эту лечебную процедуру примерно раз в месяц, обычно по воскресеньям, перед тем как Малабар должна была встречаться с Беном; в эти дни она особенно нервничала.

– А может, это больше похоже на прыжок в волну, – продолжала она. – Готовишься к тому, что обязательно случится, ты это знаешь, но каждый раз все равно испытываешь потрясение, верно?

Внутри романа моей матери туго переплелось столько всего – любовь, грех, похоть, – что, казалось, ситуация обречена рано или поздно взорваться. Я считала своим долгом защитить ее – да на самом-то деле и всех нас – от этой неизбежности.

Я снова развернула мать лицом к зеркалу, висевшему на задней стороне двери; моя голова над ее в нашем общем отражении.

– Мама, что ты будешь делать, если кто-нибудь узнает? – спросила я.

– Никто никогда ничего не узнает, – заверила она. – Мы очень осторожны, Ренни. К тому же у нас есть ты, наше секретное оружие, – добавила она, поглаживая мои руки, лежавшие на ее плечах.

Я завела таймер. Хну следовало держать на волосах ровно час.

– Но что, если кто-то все же узнает? – не отступала я. Этот вопрос беспокоил меня постоянно. Что случится с ней, с нами, если правда выплывет на свет?

Она наклонилась поближе к зеркалу, то ли изучая какой-то изъян, которого я не видела, то ли просто выгадывая время.

– Ну, это было бы ужасно, и мне даже не хочется об этом думать, и это убило бы Чарльза – и Лили тоже, – проговорила она. – Они и без того слишком уязвимые. Но если это случится, мы с Беном будем вместе. Мы дали друг другу такое обещание.

Поначалу Малабар так же сильно, как и я, нервничала из-за возможности быть пойманной, поэтому мы скрупулезно заматали следы. Разрабатывали сложные алиби для свиданий в Нью-Йорке; она то навещала свою лучшую подругу, Бренду, холостячку и карьеристку, то, еще чаще, ухаживала за недужной мачехой, Джулией, второй женой моего деда, которая была намного младше его. Джулия, старше моей матери всего на пару лет, была запойной пьяницей с длинной историей алкоголических эпизодов; «кутежи» – так их называли в нашей семье. Это была идеальная отмазка. Дед умер годом раньше, поэтому мать не нуждалась в его сообщничестве, легко создавая себе прикрытие. Кроме того, она и в прошлом помогала Джулии, так что эта ложь была достаточно близка к истине, чтобы слетать с наших уст без усилий.

Когда я терзалась угрызениями совести из-за того, что мы скрываем тайну матери, разоблачая тайну бабушки, Малабар уверяла меня, что алкоголизм Джулии давным-давно не является ни для кого секретом.

– Когда напиваешься так, что валишься с ног, это ни для кого не тайна, даже если живешь на Пятой авеню. Поверь мне, Ренни, несмотря на иллюзии Джулии на этот счет, все знают, что у нее серьезная проблема.

Это было похоже на правду. В состоянии подпития Джулия чудила просто фантастически – раздевалась до белья на званых вечерах, теряла сознание в коридоре, где ничего не подозревавшие гости могли споткнуться о нее, лежащую в луже мочи. Имея под рукой такие истории, в какие впутывалась Джулия, не было проблемой в случае необходимости снять любые подозрения с Малабар.

Когда таймер сработал, Малабар приняла душ, смыла хну с волос, и мы перешли из ванной в ее гардеробную комнату, пожалуй, единственную комнату в доме по Эссекс-роуд, которую можно было назвать уютной. Это было наше любимое место для разговоров. Двухспальная кровать, туалетный столик с драпировкой в цветочек, табурет, обитый той же тканью и украшенный драпировками, – эта комната изобиловала текстилем и была по-хорошему старомодно-женственной. Моя мать, страдавшая бессонницей после смерти Кристофера, обычно спала в этой комнате, якобы потому что Чарльз храпел. Когда я приходила будить ее по утрам, что всегда было непросто, ее голова была спрятана между двух подушек на манер бутерброда, только нос выглядывал наружу.

Я устроилась на ее кровати – своем обычном насесте, привалившись спиной к стене и подобрав под себя ноги, чтобы освободить место для портплекда, который лежал открытым у изножья. Мы решали, что ей взять с собой на свидание с Беном в Нью-Йорке. Мать примеряла наряды один за другим, оценивала свое отражение в ростовом зеркале, критически поджимая губы.

Когда она надела темно-зеленое платье с запахом, которое льстило ее тонкой талии, я сказала:

– Ой, мам! Вот это оно. Ты выглядишь чудесно.

Так и было.

Малабар опустилась на табурет и наклонилась к бесстрастному трехстворчатому зеркалу, изучая свое лицо. Большие карие глаза с тяжелыми веками делали ее взгляд томным. В детстве я однажды услышала, как ее подруга Бренда назвала их «будуарными». В то время я решила, что это означает «сонные».

Несмотря на мои уверения, что она красавица-раскрасавица, Малабар была не настроена слушать комплименты. Она ущипнула пальцами лишнюю кожу на верхнем веке и нахмурилась, глядя на свое отражение.

– Нет ничего хуже для женщины, чем старение, Ренни, – сказала она мне. – Моя мать меня предупреждала, а я ей не верила. Но помяни мое слово: на свете нет ничего хуже.

Фотография моей гламурной бабушки Вивиан стояла на столике. Ее красота была тем стандартом, по которому моя мать мерила себя и полагала, что не дотягивает до него. Я была с этим не согласна. Для меня Малабар была еще краше. В лице моей матери была теплота, а ее бедовые глаза шаловливо сверкали, в то время как бабушкины черные волосы, темные очи и безупречная кожа цвета слоновой кости казались мне суровыми. Ее стальной взгляд не теплел, даже когда она улыбалась. Глядя на бабушкино фото, я думала о том, насколько, наверное, захватывающе для моей матери – быть ее единственным ребенком.

Но в убеждении, что моя мать привлекательнее бабушки, я была одинока. Стоило обронить в разговоре ее имя, и все подряд – мужчины, женщины,

близкие друзья и соперницы – в один голос принимались утверждать, что Вивиан была самой потрясающей женщиной, когда-либо ходившей по земле.

– Большую часть своей жизни твоя бабушка была выдающейся соблазнительницей, но старела она некрасиво, – говорила мать.

Я слышала истории о буйном нраве бабушки, о владевшем ею духе соперничества и многолетнем алкоголизме. В том числе историю о громком скандале между нею и моей матерью, когда я была еще совсем маленькой. Они вроде бы не поделили мужчину, с которым обе флиртовали на одной вечеринке. Пьяные и разъяренные, две женщины бросались обвинениями, пока ссора не переросла в драку, в результате которой моя мать упала прямо в камин. Бабушка после этой драки осталась в синяках, а мать – в гипсе от бедра до кончиков пальцев.

Я терпеть не могла представлять себе, как они дрались; мысль о матери, причиняющей боль дочери, пугала меня.

Теперь бабушка была прикована к постели, больше неспособная ни драться со своим единственным ребенком, ни соблазнять мужчин. После второго развода с дедом она около тридцати лет прожила одна, после чего снова вышла замуж в 1976 году. Ее новый муж, Грегори, был родом из Плимута – прямой потомок «отцов-пилигримов», как и Бен Саутер. Но счастье и несчастье в жизни Вивиан шли рука об руку, и Грегори умер всего через пять месяцев после их свадьбы, когда мне было одиннадцать лет. Бабушка, желая иметь ясное сознание на его похоронах, пропустила прием своего лекарства для разжижения крови, и на следующий день ее разбил обширный инсульт. Мы регулярно навещали ее, но она утратила способность осмысленно общаться. Годы спустя Малабар призналась, что роман ее с Грегори длился десять лет в ожидании смерти его жены. Вивиан словно составила план, которому последовала ее дочь.

Поначалу мать и Бен вели свой роман осторожно, тайно встречаясь во время деловых поездок Бена. Обычно это случалось в Нью-Йорке, где он заседал в советах директоров нескольких компаний. Они снимали номера в разных отелях, заказывали обслуживание в номер, не спускаясь в ресторан, и платили за все наличными. Но вскоре осмелели, уверившись, что вряд ли столкнутся с кем-то из знакомых. Начали ужинать в дорогих ресторанах вроде Le Cirque, Hatsuhana,

Lut?се, и La Tulipe, которые принадлежали одному из хороших друзей моей матери.

Моя мать ничего так не любила, как ходить в изысканные рестораны, утверждая, что для нее это единственный способ вырваться с собственной кухни.

– Подумай только, Ренни, – не раз говорила она мне. – Когда все знают, что ты великолепный повар, слишком страшно приглашать тебя куда-то на ужин.

Пусть это звучало высокомерно, но было тем не менее чистой правдой. Моя мать училась в Le Cordon Bleu[12 - Самая крупная в мире школа гостиничного сервиса и кулинарии.] в Париже, работала шефом в тестовых кухнях издательства Time-Life над серией Food of the World, опубликовала четыре кулинарные книги, а в настоящее время вела популярную кулинарную колонку в газете Boston Globe, «Готовим заранее». Какой разумный человек стал бы рисковать репутацией, приглашая Малабар на рагу с тунцом?

Рестораны были для Малабар чем-то вроде мини-отпуска: ее работу делал кто-то другой. Она обожала наряжаться, завивать свои блестящие рыжевато-каштановые волосы, наносить яркую помаду, прекрасно осознавая, что, когда войдет в зал, все будут смотреть на нее. Она делала смелый выбор и редко заказывала классические блюда вроде отбивных из ягненка или филе миньон. Малабар предпочитала проверять, на что способны местные повара и как они справятся с такими трудными задачами, как «сладкое мясо»[13 - Кулинарное название желез внутренней секреции теленка, реже ягненка, иногда коровы или свиньи.] или морские черенки[14 - Вид моллюсков.]. Она обладала сверхъестественной способностью понимать, как приготовлено блюдо, с первой пробы – скажем, было ли мясо вначале обжаренным на сильном огне или отваренным в кипятке. Могла перечислить все ингредиенты соуса, запомнить их и не только воспроизвести этот соус впоследствии, но и сделать чуточку лучше. «В том, что касается готовки, я – воровка», – шептала она мне, обдавая дыханием с ароматом специй.

Вскоре они с Беном начали летать в Нью-Йорк вместе одними рейсами, даже заказывали места рядом. Однажды она сообщила мне, что они наткнулись в шаттле Бостон – Нью-Йорк на кого-то из знакомых – человека из Плимута, который знал и Чарльза, и Бена. Мое сердце пустилось вскачь. Что, если это дойдет до Чарльза? Но мать сказала, что она просто положила одну руку на рукав Бена, другую прижала к сердцу и воскликнула с искренним удивлением:

«Как тесен мир! Вначале я столкнулась с Беном Саутером, а теперь и с вами!» А потом пригласила того человека присоединиться к ним.

Я вцеплялась в каждое слово маминых историй, жадная до подробностей ее тайных и незаконных встреч с Беном, которые случались каждые четыре-шесть недель. Иногда я оставляла на ее подушке записку с просьбой разбудить меня сразу по возвращении из Нью-Йорка. Она так и делала, и мы до середины ночи, сидя на моей кровати, разговаривали о ее чувствах к Бену. Не было никаких рассказов о бродвейских шоу, походах в Метрополитен-музей, прогулках по Парк-авеню; никаких материальных свидетельств безудержного шопинга. Насколько я могла судить, мать с Беном проводили время, занимаясь исключительно двумя самыми священными жизненными вещами: едой и любовью. К счастью для меня, мать предпочитала разговаривать о еде, а не о сексе, хотя время от времени ее застенчивая улыбка выдавала и менее целомудренные воспоминания.

Мы могли провести все воскресенье в ее гардеробной – я на мягкой постели, обложившись со всех сторон подушками, Малабар на табурете у туалетного столика. Мне никогда не надоедало слушать, как она рассказывает о Бене, разбирает по косточкам каждое его сладкое обещание. Для моей матери не было ничего приятней, чем воображать совместное будущее, которое в один прекрасный день будет у них с Беном, особенно когда речь заходила о путешествиях.

– Давай поговорим о медовом месяце, Ренни, – предлагала она, и мы принимались перебирать варианты, которые могли бы удостоиться такой чести: роскошная итальянская вилла в Тоскане, африканское сафари, круиз под парусом вдоль турецкого побережья. Меня всегда влекла идея сафари – все эти чудесные животные, – но мать, которой милее были дорогое постельное белье и трюфельное масло, жаждала гедонизма в Италии. «Да есть ли более романтическое место на земле?» – вопрошала она.

К большому огорчению матери, Бен отказывался разделять эти фантазии. Он следовал жестким правилам для их любовной связи, выбирал лучшие стратегии, позволявшие избегать разоблачения. В том числе: предварительно планировать только одну, ближайшую встречу, не звонить матери из своего дома, за исключением тех случаев, когда предполагались официальные мероприятия на четверых, и никогда не поверять свои чувства бумаге.

У Бена все было в шоколаде: налаженная домашняя жизнь с Лили, с которой он был очень нежен, страстная романтическая связь с Малабар, которую он любил, и умение разделять эти две жизни, которое бесконечно злило мою мать. Она хотела, чтобы их роман был таким же всепоглощающим для него, как и для нее. Но приходилось довольствоваться тем, что он был таким же всепоглощающим для меня. Я ловила каждую его деталь, крайне преувеличенную.

– Знаешь, что мне хочется сделать с Беновыми правилами? – порой спрашивала она меня. Я знала ответ, но она не давала мне вставить и слова. – Нарушить их все до одного!

Сила преступления, соблазнительная сама по себе.

– Мне просто нужно набраться терпения, Ренни, – говорила мать снова и снова, не столько мне, сколько себе самой, и мы обе знали, что терпение – не ее сильная черта. – Мне нужно настроиться на долгую игру.

А где же был Чарльз, когда мы вели эти воскресные разговоры? Обычно в своем кабинете, в кресле в углу. Торшер за его спиной освещал пухлый том, который он держал на коленях, а указательный палец скользил по строчкам книги. Мой отчим сдержанный человек, чья судьба, определенная отцом и дедом, состояла в неромантическом наживании денег, такой непохожий на мечтателя, он все же был им. Его воображение воспламеняли ранняя история Америки и легенды о сгинувших в море кораблях.

Стоит заметить, что когда-то моя мать была так же безумно влюблена в Чарльза, как теперь в Бена. Ее очаровывал интеллект Чарльза и, в частности, его давний интерес к отцам-пилигримам и культуре, которую они создали в Плимуте. И хотя ей очень нравилось, что Чарльз был потомком успешных капиталистов, ценила она в нем именно его истинную страсть, а не стремление приобрести еще большее богатство. Отчим предавался чтению и размышлениям примерно до шести вечера. Затем срабатывал его внутренний будильник, и он выходил из своего мирного убежища, с воодушевлением обещая матери смешать коктейль, если она готова выслушать речь о его последнем увлечении. В добеновскую эпоху мать с удовольствием соглашалась.

Но влюбленность в Бена все изменила. Малабар больше не волновали блестящий ум Чарльза, его джентльменские манеры и одержимость археологией и

историей. Она по-прежнему устраивала вечерние возлияния с мужем, но я совершенно уверена, что, пока Чарльз говорил, она грезилась о Бене, жаждая теперь волнений иного сорта. Бен был общительным, чувственным, безоговорочно уверенным в себе. Она хотела его.

Всякий раз, как мать уезжала – якобы в очередной раз спасая Джулию, но в действительности ночуя в отеле с лучшим другом своего мужа, – я должна была заботиться о Чарльзе. Это было несложно. Самое большее, что нужно было сделать, – это разогреть еду, заранее приготовленную матерью, откупорить бутылку вина или помочь ему расстегнуть пуговицы на манжетах, поскольку навыки мелкой моторики, необходимые для этого действия, были ему недоступны. Этому мужчине нужно было немного: покой, крепкий коктейль и тихое место, чтобы читать и думать. Наверное, те самые качества, благодаря которым Чарльз был прекрасным отчимом, делали его не лучшим отцом для собственных детей. Его родительским стилем было доброжелательное невнимание. Ему неинтересно было воспитывать нас с Питером – разбираться в наших дразгах, врожденном соперничестве, тратить на нас свое время и энергию.

Единственной сложностью в уходе за Чарльзом в отсутствие мамы была необходимость лгать.

Я должна была подтверждать алиби Малабар, поддерживая ее историю хотя бы своим молчанием. Поначалу казалось, что это проще простого. Но со временем молчание стало угнетать. Когда лжешь человеку, которого любишь – а я ведь любила Чарльза, – не говоря уже о том, что лгать приходится так часто, что ложь начинает казаться правдой, теряешь единственное, что по-настоящему важно: возможность истинной близости. Я утратила способность к близким отношениям с Чарльзом в тот день, когда первая ложь слетела с моих губ.

Со временем я начала терять близость и с самой собой.

Ко второму полугодью десятого класса я постоянно мучилась болями в животе. Мать возила меня к гастроэнтерологу, которая предположила, что боль может быть связана со стрессом. Когда мать вышла из кабинета, врач стала расспрашивать меня о моих внешкольных занятиях, об отношениях со

сверстниками. Много ли у меня друзей в школе? Я заверила ее, что много, но правда была иной: я так и не смогла стать частью школьного сообщества. У меня было больше знакомых, чем близких друзей, я не играла в командные спортивные игры, не участвовала в деятельности ученических клубов.

- Есть ли у тебя бойфренд? - спросила она. - За такой красавицей, как ты, должно быть, многие увиваются.

Это было не так, но мне хватило ума не объяснять, что львиная доля моей романтической энергии уходит на личную жизнь матери.

- Ну, мне кое-кто нравится, - честно ответила я, и мой ответ, кажется, пришелся ей по вкусу. - Но большинство парней в моем классе такие инфантильные! К тому же мне нужно фокусироваться на учебе.

- Как у тебя с учебой? - поинтересовалась она.

- Я почти круглая отличница, - похвасталась я.

Врач понимающе кивнула.

- Вероятно, в том-то и проблема. В твоём перфекционизме. Я думаю, тебе стоит несколько снизить свои стандарты. Бережнее относиться к себе.

Когда к нам в смотровую снова зашла моя мать, врач высказала предположение, что источником моего стресса могут быть академические требования Милтона и что у меня, возможно, развивается язва. Она посоветовала мне избегать употребления газированных напитков, кофеина, острой и кислой пищи.

- Спасибо вам большое, - сказала моя мать врачу со вздохом облегчения. - Уверена, все это моя вина. Как Ренни вам, вероятно, сказала, я иногда перебарщиваю с кайенским перцем. - Она рассмеялась и посмотрела на меня. - А вам, юная леди, придется меньше беспокоиться о пятерках и больше гулять. Честное слово, жизнь слишком коротка!

По дороге домой я размышляла о романе «Алая буква» Натаниэля Готорна, заданном на прочтение в школе. И задумалась вслух, испытывает ли моя мать хоть толику стыда, как Эстер Прин, терзают ли Бена угрызения совести, как Артура Димсдейла, или они обозвали бы этот роман пуританской чушью, так же как мой отец.

Мать уверила меня, что ни капельки не чувствует себя виноватой.

– Попытайся понять нас, Ренни, – сказала она мне. – Мы с Беном не планировали влюбляться друг в друга. Это случилось само собой. Важно лишь то, что мы решили поставить чувства Чарльза и Лили на первое место. Никто из нас не хочет причинить им боль. Ты ведь это понимаешь, верно?

Я кивала.

– Рассказать им о нашем романе и бросить их значило бы разрушить их жизни. Развод – это грязь и боль, он никому не нужен. К тому же у Чарльза и Лили слабое здоровье. Эта новость ухудшила бы их состояние. Так что мы с Беном стараемся быть альтруистами. Как и ты, милая. – Она похлопала меня по бедру. – Ты помогаешь нам поступать правильно. Мы планируем чтить свои супружеские обеты – пока смерть не разлучит нас. Это звучит логично?

Это звучало логично, и – о, как я любила, когда моя мать разговаривала со мной вот так, как женщина с женщиной, и между нами не было ничего, кроме доверия и близости! Наконец-то я осознала величие жертвы, приносимой Беном и моей матерью. План состоял в том, чтобы дождаться, когда Лили и Чарльз умрут. Таким был нарратив, на котором они остановились. В то время он казался мне верхом благородства и даже доброты.

Глава 6

Используя давнюю дружбу Чарльза и Бена как прикрытие, моя мать всячески обхаживала жену Бена. Лили славилась своими цветниками в английском стиле, пышными и ухоженными, которые тянулись по обе стороны обширной лужайки и окаймляли их дом. Всю работу в саду она выполняла сама, часами вскапывая,

сажая, удобряя и пропалывая, и ее цветники были безупречны. Моя мать охала и ахала над ними, осыпая Лили комплиментами. А наедине со мной признавалась, что не понимает, чем все так восхищаются. «Аккуратные ряды. Крепкие стебли. Приятные цвета, разумеется. Но, честное слово, где тут творческий подход?»

В трудолюбии Лили моя мать предпочитала видеть отсутствие воображения и гибкости, попытку властвовать и навязывать порядок, и делала вывод, что так же Лили ведет себя и в своем браке. «Бен – он как дикий зверь, – говорила мать совсем другим тоном, и мне становилось ясно, что мы уже оставили тему садоводства. – Этому мужчине нужны джунгли». Я мысленно переносилась к буйной путанице шиповника, что карабкался по склонам нашего участка, к береговым птицам, пировавшим на песчаных низменностях под ним. Как мне представлялось, Бен был там счастлив.

Моя мать также проявляла интерес к двум детям Бена и Лили, Джеку и Ханне. Когда начался этот роман, им обоим было чуть больше двадцати. Я не была знакома ни с одним из детей Саутеров, но меня они тоже интересовали. Джек летом работал спасателем в Калифорнии, а зимой патрульным на лыжных курортах Колорадо; Ханна была жокеем в Массачусетсе. Моя мать предполагала, что профессии, избранные детьми, должно быть, разочаровали их отца, выпускника Массачусетского технологического института и бизнесмена. Лили сохранила собрание переплетенных в кожу дневников времен раннего детства своих детей, с пространными описаниями их настроений, предпочтений, занятий и блюд, которые им нравились и не нравились. И хотя Малабар любовно изучала эти страницы вместе с Лили, когда мы оставались вдвоем, она только фыркала. «Убить столько времени на описание пюре из зеленого горошка!»

Между тем, ведя младенческие альбомы собственных детей – Кристофера, Питера и мой, – она вела себя точно так же. Писала в них о том, что мы любили и не любили, наклеивала на черные странички прядки наших белесых детских волос и рисовала схемы открытых ртов со стрелочками и датами, указывавшими, когда прорезался какой зуб. В этих увлекательных записях она перечисляла наши таланты и антипатии, стараясь уловить и запечатлеть детскую сущность каждого из нас в годовалом возрасте. Кристофер: ползает вперед и назад, рвет в клочки газеты, все хватает! Питер: вспыльчивость и своеволие! Ренни: никаких особых талантов, зато аппетит!

А еще Саутеры много путешествовали. Все эти поездки, десятки экспедиций в дальние края, от Китая и Индии до Галапагосских островов, Мексики и

Аргентины, по всей Европе – в Шотландию, Данию, Францию и Испанию; Африка и все уголки Америки. Бен руководил компанией в Бостоне, у которой были «дочки» в тридцати разных странах, и очень многие из этих поездок были связаны с его работой, но не реже они с женой ездили и ради удовольствия. Мать с ужасом рассказывала мне о недельных и даже месячных пробелах в детских дневниках Джека и Ханны, когда Лили отсутствовала дома, шатаясь с Беном невесть где.

– Да что это за мать, которая могла так надолго бросить своих детей? – возмущалась она вслух. – Это чудовищно!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кейп-Код (англ. Cape Cod – «мыс трески») – полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс. Отделяет залив Кейп-Код от Атлантического океана (здесь и далее прим. ред.).

2

Сквоб – молодой голубь, не старше четырех недель. Сквобы забиваются на мясо прежде, чем начинают летать, поэтому их мясо очень нежное.

3

«Мейфлауэр» – торговое судно, на котором англичане, основавшие одно из первых британских поселений в Северной Америке, в 1620 году пересекли Атлантический океан.

4

Лапсанг Сушонг – сорт красного чая из Южного Китая.

5

Плимутская плантация – реконструированное поселение Плимутской колонии. Представляет собой музей под открытым небом в г. Плимуте, штат Массачусетс, где собраны копии жилых домов, форта и хозяйственных построек 1623–1627 гг., а также копия корабля «Мейфлауэр».

6

Марши – низменные полосы морского берега, подверженные воздействию высоких приливов или нагонов морской воды.

7

Печь Франклина, или Пенсильванский камин, – металлический камин, созданный Бенджамином Франклином в 1742 году для улучшения теплопроводности и экономичности.

8

Рэдклиффский колледж – престижный частный гуманитарный женский колледж, основанный в 1879 году и впоследствии ставший частью Гарвардского университета.

9

«Рожденные заново» – протестантская экспансионистская церковь в США, членом которой является бывший президент США Джордж Буш-младший.

10

Норман Роквелл (1894–1978) – американский художник и иллюстратор. На протяжении четырех десятилетий он иллюстрировал обложки журнала The Saturday Evening Post.

11

Церковь объединения – секта, основанная Мун Сон Меном в 1954 году в Сеуле (Южная Корея). В течение следующих нескольких десятилетий Церковь объединения распространилась во многих странах мира и имеет от пяти до семи миллионов последователей, которых в России называют мунистами.

12

Самая крупная в мире школа гостиничного сервиса и кулинарии.

13

Кулинарное название желез внутренней секреции телянка, реже ягненок, иногда коровы или свиньи.

14

Вид моллюсков.

Купить: https://tellnovel.com/broder_edrienn/dikaya-igra-moya-mat-ee-lyubovnik-i-ya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)